

ДВЕ СУДЬБЫ

★ 1942 ★

18+

Алексей Калинин
Две судьбы 1942

«Автор»

2026

Калинин А.

Две судьбы 1942 / А. Калинин — «Автор», 2026

Нас вдвоём с другом закинуло в 1942 год. Хреновое попадание в хреновое время и с хреновым другом. Как жизнь сложится? И смогу ли я принести пользу? А что сможет принести мой так называемый друг?

© Калинин А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	31
Глава 6	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Алексей Калинин

Две судьбы 1942

Глава 1

– Андрюха, ты ни хрена не видишь картину целиком, – Игорь подался вперед, гипнотизируя меня. – Завтрашний «Марш миллионов» будет самым крутым за историю! И это ни хрена не про потопать ножками по асфальту, помахать шариками и поорать кричалки про воров. Это наш единственный, сука, шанс реально взять власть за яйца. Донести до них, что мы – сила, с которой придется считаться.

Сомневался ли я в этом гребаном митинге?

Да я, блин, всем нутром, каждой гребаной клеткой чувствую, что мы вписываемся в какой-то гнилой блудняк. Но когда тебе двадцать, то в крови бурлит адреналин пополам с юношеским максимализмом. А лучший друг ещё рисует перед тобой золотые горы – голос разума заткнулся и нервно курит в сторонке.

А тем более, когда заливается пивом в холостяцкой берлоге Игоря, шикарной «двушке» на Фрунзенской, снятой на его пухлую менеджерскую зарплату. Его подруга Маша, уже прилично набравшаяся и потерявшая всякие берега, бродила по комнате в коротких шортах и Игоревой рубашке, накинутой на голое тело. Я не мог не видеть, как соски просвечивают сквозь ткань! И мне это нравилось, чёрт побери! Она периодически прикладывалась к бокалу с шампусиком, покачивала бедрами в такт модному лаунжу из колонок и мурлыкала себе под нос.

Мы с Игорем сидели на кухне, глушили холодное нефilterованное из запотевших бокалов, и он уже битый час капал мне на мозги. Я же в меру своей образованности и начитанности посылал его на хрен.

И вот Игорь сделал жадный глоток, вытер губы и самодовольно ухмыльнулся, откинувшись на спинку стула.

– Я завтра буду координировать одно из направлений. Хера ли ты лыбишься? Ну да, я координатор. У меня всё расписано. Если завтра всё пройдет по-моему... то есть по нашему, то перед нами откроются двери в такую большую политику, что тебе, нищему студенту-историку, и в самых влажных снах не снилось. И ты, брат, пойдешь со мной. Будешь моим первым замом, как его... аналитиком. Мы там так развернемся... Ух, прямо аж мурашки по коже, вон, смотри! Бабки, влияние, связи – всё будет на высшем уровне.

Он закурил, щёлкнув зажигалкой «Зиппо», которая по его словам осталась ему от деда-фронтовика.

– Да херня это всё, Игорек, – я поморщился и налил ещё из пятилитрового бочонка. – Какой, к черту, успех? Выйдет пара сотен человек, постоят в загонах за рамками металлоискателей, поорут в мегафоны, сделают селфи для соцсетей и разойдутся по домам. Власть на это даже не почешется. Для них мы как пердёрж за окном.

– А кто тебе сказал, что мы будем просто стоять? – глаза Игоря блеснули. – Всё уже расписано, всё будет чики-пуки. На Якиманке, на Лужковом мосту, на Болотной – везде в первых рядах будут стоять подготовленные люди. И в нужный момент, когда толпа упрется в оцепление и начнется давка, из задних рядов полетят «коктейли Молотова». Прямо в ментов.

Я поперхнулся, закашлялся. Посмотрел на него охреневшим взглядом. Это как так? Да пусть даже и в ментов, но ведь в живых людей!

– Ты ..банулся? – прохрипел я, глядя на него как на сумасшедшего. – Какие, нахер, коктейли? Ты в курсе, что это статья? Терроризм, массовые беспорядки!

– Обычные коктейли. Бензин, машинное масло, тряпка, – тоном лектора ответил Игорь. – Менты, естественно, подорвутся. У них рефлексy. Они начнут жестко прессовать толпу, пустят в ход дубинки, газ. Наши ребята впереди вмешаются в замес...

– Вмешаются в замес? Даже так? Они же получают по башкам...

– Да они из «Около футбола», фанаты, так что им не привыкать – отбитые на всю голову. И вот тут-то наши операторы, которые будут расставлены по точкам, дадут правильный ракурс. Создастся сочная картинка для всего мира: кровавый диктаторский режим щемит, калечит и унижает мирных демонстрантов.

– Мирных?! – я нервно усмехнулся, чувствуя, как внутри закипает злость. – Которые первыми кинули в них зажигалки? Охренеть какие мирные! Это же классика, Игорь! Кровавое воскресенье, поп Гапон, ёпта! Вы же сами спровоцируете бойню!

– А огонь останется за кадром! – Игорь отмахнулся, словно отгоняя назойливую муху. – В сеть уйдет только то, что нужно: избиения дубинками, разбитые хлебала, кровь на асфальте, полицейский произвол, крики женщин. Эта информационная волна выйдет далеко за пределы России. Нас услышат там, наверху. И за бугром. Это будет рычаг для власти, Андрюха! Давление сковырнёт засидевшуюся задницу с трона!

– Игорь, это же подлость чистой воды. Своих же подставлять под дубинки... На митинге же будут обычные студенты, пенсионеры, девчонки! Ты их в мясорубку бросишь ради картинки?

– Ой, бл.., не строй из себя мать Терезу! – скривился он, и ударил ладонью по столешнице. – Приходится идти на подлость, если твой враг использует подлые методы. Если они с нами так поступают... если они выборы рисуют как им надо... Да если их хрен свернёшь с трона, то почему мы должны играть по правилам? Вон, почитай новости – жёлтые подтирки уже пустили слух, что завтра на митинге будут вручать повестки в военкомат. Это что, потвоему, не провокация?

– Да это дешевый вброс, – я потер виски. Голова начинала гудеть от этого спора. – Никто на такой бред не поведётся. Кому там нужны студенты-очкарики?

– Неважно, вброс это или нет! – Игорь завелся не на шутку. Вскочил, потом сел обратно. – Главное для нас – раззадорить людей. Разозлить! Чтобы они шли туда как на бой! Страну нужно срочно вырывать из лап этих ублюдков, нужно менять курс. И Америка нам в этом поможет, у них есть рычаги давления на наши элиты.

– Ага, щас, – я скептически хмыкнул. – Спят и видят американцы, как бы нам врубить демократию, да к тому же помогут стать сильными и свободными. Скорее распилят всё, что осталось, а нас ожидает судьба индейцев: бусы, резервации и огненная вода. Как историк тебе говорю: никто никогда не делает революции в чужой стране ради блага её народа. Это всё одно большое нахлебалово! И если подрываться на него, то нужна глобальная причина!

Игорь вздохнул, посмотрел на меня как на неразумного ребенка и постучал согнутым пальцем по моему лбу.

– Наша пропаганда промыла твои исторические мозги, Соколов. Весь мир хочет с нами дружить! Весь! Хотят сотрудничать, развиваться, налаживать связи! Но ЭТА ВЛАСТЬ не дает. Им не нужны партнеры, им нужен послушный совок новой версии. Чтобы границы на замок, и все строим ходили. Скованные одной цепью! А если у руля встанут адекватные, современные люди вроде нас, способные договариваться с Западом – мы тут заживем так, что Европа обосрётся от зависти.

– Это Навальный-то адекватный? Или Немцов? – хмыкнул я.

– А что? Их же постоянно щемят за правду! Сроки придумывают разные, лишь бы не допустить к власти! Или скажешь, что не знаешь, как можно нарисовать с полпинка срок человеку?

Я набрал в грудь воздуха, чтобы выдать ему развернутую лекцию про геополитику, реальные интересы транснациональных корпораций и цену «помощи Запада», но тут Игорь хитро прищурился. Он как будто что-то задумал. Не зря же его лицо мгновенно расслабилось, и он крикнул в коридор:

– Маш! Иди-ка сюда, радость моя!

Маша впорхнула на кухню, покачивая бедрами. Игорь по-хозяйски шлепнул ее по упругой заднице. Она хихикнула, тряхнув большой грудью под тонкой тканью расстегнутой рубашки.

– Слышь, Машуль, – Игорь подмигнул ей, кивнув в мою сторону. – Мой друг Андрюша что-то совсем загрустил. А он, между прочим, завтра вместе с нами идет историю создавать. Рисковать собой. Не хочешь показать будущему герою сопротивления, как мы бываем благодарны верным соратникам? А я пока... схожу за пивом. В круглосуточный. Возможно, долго буду ходить.

– Вообще-то это неправильно, Игорь, – пробормотал я, чувствуя, как от выпитого алкоголя и близости полуголой, разгоряченной девчонки в мозгах падают барьеры.

Все мои высокие моральные принципы вдруг дали трещину. Неужели он подкладывает под меня свою подругу? Так ведь нельзя!

– Неправильно, Андрюша, – Маша по-кошачьи опустилась мне на колени, обдала дурманящим запахом сладкого парфюма и женского пота, – это то, что ты строишь из себя буку и недотрогу. А всё остальное... очень даже правильно. И очень хорошо. И может стать ещё лучше, если ты будешь хорошим мальчиком.

– А ты знаешь, Маша, что во времена Великой Отечественной войны немцы были крайне удивлены количеством целомудренных девушек среди славянок, – улыбнулся я.

– Да? Ну и дурочки, лишали себя такого удовольствия, – хихикнула она. – Мы же не такие, нам и для здоровья полезно то, что в рот полезло, как сказала бы Моника Левински.

Она провела пальчиком по моей щеке. Я попытался что-то возразить, сказать, что я не продаюсь за такие дешевые трюки. Однако Маша заткнула мне рот горячим поцелуем с привкусом шампанского.

Ее пышная грудь прижалась к моей груди, рука скользнула мне на шею, зарываясь в волосы. Вторая рука скользнула по моему телу вниз, к ширинке. Мои ладони, словно живя своей отдельной, независимой от мозга жизнью, сами собой легли на ее талию, притягивая ближе.

Какая же она горячая... Сколько в ней страсти и огня... И мне хотелось погрузиться в это бушующее пламя страсти. Раствориться в ней без остатка, слушать её стоны и наслаждаться каждой секундой.

Сквозь волосы Машки я заметил, как Игорь прикрыл за собой дверь кухни. Ещё и хитро улыбнулся, стервец этакий... Да и хрен с ним, если не против, чтобы его подругу трахнули, и если она сама не прочь, то...

На следующий день, шестого мая две тысячи двенадцатого года, я орал лозунги и шёл среди толпы по Якиманке.

Головная боль от утреннего похмелья была сбита порцией пива «для поправки здоровья». Добавил ещё пару глотков из пластиковых стаканчиков, которую разливали добрые люди. Теперь этот ёрш плескался внутри, смешивался с адреналином. Воздух был душным, как будто бы подходила летняя гроза.

Вокруг было человеческое море. И это пёстрое море бурлило и переливалось. Накатывало лозунгами. Студенты и студентки, мужчины и женщины, люди с самодельными плакатами, хипстеры со стаканчиками кофе. Мы скандировали:

– Мы здесь власть! Честные выборы! Путина в отставку!

И знаете что? В тот момент, находясь в эпицентре протестного организма, я реально верил в то, что мы кричали. Мне прямо-таки напрочь снесло крышу от душевного подъема. Вчерашние сомнения на кухне казались трусостью и низменным мещанством. А сейчас... Казалось, что вокруг меня только братья по разуму и духу. Все такие родные, хорошие! И мы ведь делали одно общее дело!

Мы та самая сила, которая прямо сейчас, своими руками поворачивает русло истории. Всё кажется таким легким, таким осуществимым! И рядом шагала Машка! Тоже кричала и подпрыгивала, отчего её непослушные груди, не стянутые тканью нижнего белья, так и норовили выскочить из блузки.

Ух, как мы с ней вчера зажгли... Подумал об этом и в ширинке стало тесно.

– Мы здесь власть!

– Долой фальшивую Госдуму!

– Россия будет свободной!

Впереди, перекрывая мост и подступы к Болотной площади, замаячил кордон полицейских в сферических шлемах и тяжелых бронежилетах – пресловутые «космонавты». Они стояли, сомкнув щиты, как римская «черепаша». Но даже они не вызывали страха.

В голове крутилась какая-то наивная и киношная дурь: вот сейчас из толпы выйдет миленькая первокурсница, вставит желтый цветочек мать-и-мачехи в щель полицейского щита...

И суровые мужики в форме всё поймут. Опустят дубинки и щиты! Улыбнутся сквозь забрала и... Перейдут на нашу сторону, чёрт побери! Мы же все русские люди, в конце-то концов! Нам здесь жить!

Игорь шел чуть поодаль, в самой гуще. Он орал в матюгальник кричалки, которые толпа тут же подхватывала многоголосым эхом. Я тоже орал, срывал голос.

Мне было весело! Задорно! Я был каплей в этом бурлящем потоке, который завтра может расплескаться по страницам учебников новейшей истории. Так вот как оно всё происходит... Вот как оно всё случается! Вот оно как всё... Молодость, задор, сила!

Иногда Игорь замолкал, прижимал к уху мобильник, бросал: «Принял. Давай. Ждем отмашки», и снова брался за мегафон. Настоящий лидер! Уверенный в себе и непоколебимый! А я... У меня вчера были глупые мысли. Хорошо, что Игорёк показал верный путь!

Толпа уперлась в кордон. Движение застыло и остановилось. Задние ряды, не видя, что происходит впереди, продолжали наступать.

– Пропустите нас! Мы здесь власть!

Начиналась давка. Задние ряды наступали, но пока что столкновения не происходило. Щёлкали фотоаппараты, снимали камеры. Все как будто ждали. Чего ждали? Кто первым коснётся полицейских? Кто первый получит «демократизатором» по башке?

Из-за строя щитов раздался голос из громкоговорителя:

– Граждане! Ваша акция не согласована. Покиньте это место! Сохраняйте спокойствие! Расходитесь! В противном случае будет применена физическая сила!

Да кто его слушал? Толпа наступала. Раздались пронзительные свистки. Кто-то выкрикнул ругательство. А в самом деле, чего они встали на нашем пути? Мы тут власть! Кому вы служите, утырки?

И тут я увидел Игоря. Он стоял метрах в пяти от меня. Вокруг него терлись какие-то крепкие ребята. Координатор, как ни крути. Игорь расстегнул спортивную сумку и вытащил

наполовину наполненную бутылку. Из горлышка торчала скрученная тряпка. В другой руке Игоря загорелась зажигалка. «Зиппо», которая осталась от деда-фронтовика.

Огонь жадно уцепился за ткань и устремился внутрь, к бензину.

Меня как будто окатило ледяным душем. Хмель и адреналин слетели в одну секунду.

Я посмотрел на тех, кто стоял между Игорем и оцеплением. Мальчишки в кедах. Худенькие девчонки с рюкзачками. Женщина в очках и с глупой улыбкой на размалёванных губах. Если эта бутылка сейчас полетит в ментов...

Озверевший ОМОН сомнет их. Размажет по асфальту дубинками. Начнется паника, давка. Будут переломы. Будут трупы. Ради «красивой картинке» погибнут люди. Никаких подготовленных ребят впереди не было. «Около футболом» там даже и не пахло!

Всё это пронеслось в моем мозгу за долю секунды. Инстинкт сработал быстрее разума.

– Стой, сука! – заорал я дурным голосом и рванул вперед, расталкивая людей.

Я прыгнул на Игоря всем своим весом, целясь по руке с горящей бутылкой. Удар получился смазанным, но сильным. Мы рухнули на асфальт. Бутылка выскользнула из его пальцев.

Но она не полетела в кордон.

Она со звяканьем разбилась о край гранитного бордюра.

Густая, вонючая жидкость, щедро сдобренная машинным маслом, брызнула мне на джинсы и куртку. И в следующую миллисекунду мир вспыхнул.

Огонь накинулся на меня жадным львом. Люди завизжали и брызнули в стороны, как тараканы от дихлофоса.

Больно! Как же больно! ..б вашу ма-а-а-ать!

Потушите меня! Потушите-е-е!

– А-а-а-а! – вырвался крик.

Я рухнул на асфальт, начал кататься, сдирая в кровь ладони, пытаюсь сбить пламя. Но проклятый бензин и не думал гаснуть. Он вгрызлся в одежду, плавил синтетику куртки, добирался до кожи.

Адская боль била отовсюду, пламя превратило меня в живой факел. Дышать нечем! Нечем дышать! Огонь сожрал кислород, в легкие забился дым.

– А-а-а-а!

Сквозь визг толпы и гул пламени я услышал голос Игоря. Он стоял в нескольких шагах и... Грёбанный менеджер оценивал результат своего труда!

– Охренеть, какая же будет картинка... Потерпи, братишка, ещё пара кадров и всё! Да куда ты меня толкаешь, дура? А-а-а-а!

И в этот самый момент небеса над Москвой разверзлись.

Гроза решила ударить в свои барабаны. Раскат грома совпал с чем-то еще. ОМОН, отреагировав на огонь, швырнул в толпу светошумовую гранату. Она упала рядом со мной, зашипела металлом.

Кто-то ещё шмякнулся на меня. Заорал на ухо. Пытался потушить? Да вряд ли...

Вспышка молнии!

Взрыв гранаты!

Ревущее на мне пламя!

Три стихии – свет, звук и огонь – слились в одну разрывающую мозг какофонию. Пространство хрустнуло, как тонкий лед под сапогом. Асфальт завертелся и закрутился. Боль растворилась в себе.

Я был сгустком боли и её сосредоточием. Я был сама боль. И в этот миг мне было насрать и на митинг, и на власти, и на всё вокруг!

Лишь бы только избавиться от боли. Хотя бы на миг! Всего лишь на минутку и за эту минутку я готов всё отдать!

Уберите боль!

Помогите-е-е!

Глава 2

Пахло нагретым на солнце полем. Сухой пылью, ромашкой, травой и горячей пылью. Так пахнет лето в деревне, когда ты мелким пацаном лежишь на лугу и смотришь в бездонное небо.

Я сделал судорожный вдох, и реальность херакнулась на меня бетонной плитой.

Боль!

Она включилась, как свет в туалете. Мое тело окунули в чан с кипящим маслом, и тут же прошлись по нему крупной наждачкой. Кожа как будто продолжила гореть. Лицо стянуло так, будто на него вылили ведро клея.

– Су-у-ука... – прохрипел я, пытаюсь разлепить глаза.

Веки поддались с трудом, склеенные то ли сукровицей, то ли грязью. Я ожидал увидеть белый потолок реанимации, услышать писк кардиомонитора. Ну, или на худой конец устаться на серый асфальт и берцы омовцев.

Но надо мной раскинулось небо. Пронзительно-синее, чистое-чистое, без единого облачка. Небо Аустерлица? Да вот хрен его знает... И ни одного, мать его, высотного здания. Ни проводов, ни рекламных щитов, ни стеклянных фасадов. Ни-че-го!

Я попытался пошевелиться, и из горла вырвался сдавленный скулеж. Левая нога и бок полыхали пламенем. Опираясь на дрожащие руки, я кое-как сел, чувствуя, как мир перед глазами закружился. Вот так ни хрена себе! От увиденного боль отступила на второй план.

Где я, твою мать?

Вокруг, насколько хватало глаз, расстиралось бескрайнее поле, заросшее высокой травой и различным разноцветьем. Метрах в десяти змеилась грунтовая дорога – две накатанные колеи, разделенные полоской пыльного бурьяна.

Ни одного признака родимого асфальта! И ни одного окурка на обочине, не говоря уж о смятых банках и разбитых бутылках! Ни кусочка, блин, цивилизации!

Ветер колыхал траву и что-то пытался передать через шёпот травы. Его перебивали кузнечики, которые стрекотали, как заведенные. Ещё где-то высоко в небе заливался жаворонок.

Я опустил взгляд на себя и содрогнулся. Моя любимая ветровка, купленная месяц назад, велела долго жить. Она сплавилась в жесткую корку, местами намертво прикипевшую к футболке и коже.

Джинсы превратились в живописные лохмотья: левая штанина обгорела до колена, открывая покрытые волдырями ожоги. От кроссовок остались только воспоминания: резина подошв оплавилась, ткань сгорела. Я был практически голым. Был обожженным куском мяса, на котором чудом держался кожаный ремень с металлической пряжкой.

– Игорь... – прохрипел я, вспомнив последние секунды перед взрывом. – Пи..р! Гнида гнойная!

Я завертел головой. Резкое движение отозвалось вспышкой боли в шее, но я его увидел.

Лучший друг, мамкин революционер и координатор хренов, лежал в нескольких шагах от меня, раскинув руки в стороны. Выглядел он немногим лучше меня. Лицо покрыто густой копотью, волосы на висках опалены. Его модная спортивная куртка превратилась в жалкие лохмотья, сквозь которые проглядывала покрасневшая кожа. На ногах чудом уцелели беговые кроссовки, хотя белыми их назвать язык бы уже не повернулся.

Но мой взгляд зацепился не за его раны.

В полуметре от его откинутой руки, тускло поблескивая на солнце, лежала зажигалка. Та самая дедовская «Зиппо». Целехонькая. На ней даже царапины новой не появилось. .

При виде этой железки в моей голове словно шелкнул тумблер. Боль отступила даже не на второй, а на третий план. Вся та херня, которую этот мудака нес на кухне, бутылка с бензином, вспышка, мои горящие руки...

– Ах ты ж мразь... – прошипел я, кое-как поднимаясь на четвереньки.

Каждое движение давалось с трудом. Мышцы сводило судорогой, ожоги пульсировали, но злость была сильнее. Я подполз к нему, дыша загнанной собакой. Игорь застонал, его веки дрогнули.

Я не стал ждать, пока он придет в себя. Сцепив зубы, схватил его за грудки, рванул на себя и наотмашь, ударил кулаком в измазанную сажей скулу. От удара сам рухнул рядом.

– Ублюдок! – заорал я, срывая обожженное горло. – Сука! Ты меня убить решил, тварь?!

Удар получился слабым, но Игоря разбудил окончательно. Он охнул, распахнул глаза и попытался отшатнуться.

– Андрюха... ты чего?! – прохрипел он, закрывая лицо руками.

– Чего?! – я ударил еще раз, целясь в нос, но он перехватил мою руку. – Ты, сука, в меня коктейль Молотова! Ты меня сжечь хотел ради своей ..учей картинки!

– Да отпусти ты, дебил! – Игорь взвыл, когда я навалился на него всем телом, придавил к земле. – Пусти!

Мы сцепились, как два бомжа из-за бутылки водки. Это была жалкая драка. У нас обоих не было сил, и каждое движение отзывалось большей болью атакующего.

– Я не кидал! – орал Игорь, пытаясь сбросить меня. – Меня толкнули, клянусь! Я стоял, ждал отмашки, а сзади кто-то как двинет! Я... я бутылку выронил!

– П..дишь! Ты смотрел, как я горю, и лыбился, мудака! «Потерпи, братишка, еще пара кадров», да?!

– Да я в шоке был! – он извернулся и отпихнул меня ногами. Я завалился на спину. – Там граната взорвалась! Менты кинули! Нас вообще убить могло!

– Ты, сука! Ты меня фоткал, чтобы потом своим ..баным кураторам фотки скинуть! Иди сюда, мудила!

– Нет, всё не так! Я... Да не тычь ты кулачишком своим! Я нечаянно! Я вообще только припугнуть хотел!

– Мразь! На! На тебе! Завалю, сука...

Через три минуты мы валялись в траве метрах в двух друг от друга, глотая поднятую пыль. Силы кончились. Ярость выгорела, оставив после себя только ноющую пустоту и страх.

– Где мы, полудурок? – тихо спросил я, глядя в бездонное небо. – Куда это нас увезли?

Игорь сел, морщась и ощупывая разбитую губу. Огляделся. Его взгляд прошёлся по горизонту, остановился на пустой дороге. Я видел, как в его глазах всё сильнее растёт охреневание.

– Я... я не знаю, – пробормотал он. – Нас, наверное, менты запаковали, пока мы в отключке были, и вывезли куда-то за МКАД. В область. Да, точно! Выкинули в поле, чтобы статистику не портить. Чтобы больницы не перегружать.

– Больницы не перегружать? – я усмехнулся, кое-как сел и обхватил колени руками. – От Якиманки до ближайшего такого поля километров десять по пробкам лететь. Хрен кто тебя так далеко повезёт!

– Телефоны! – Игорь хлопнул себя по карманам лохмотьев. – Надо позвонить! Машке, ребятам! Узнать, как всё прошло?

Он выудил из кармана то, что когда-то было последним айфоном. Сейчас это был оплавленный кусок черного пластика и стекла. Экран покрылся паутиной трещин, кнопки впились в корпус.

– Твою мать... – прошептал Игорь и отбросил мертвый гаджет в траву. – Андрюх, твой где?

Я вывернул карман джинсов. Точнее, то место, где он раньше был. Мой старенький андроид, похоже, остался лежать на асфальте в Москве.

– Пиздец, – констатировал Игорь. Он подобрал свою зажигалку, машинально крутанул колесико. Вспыхнул ровный язычок пламени. Игорь тупо уставился на него, потом захлопнул крышку и сунул «Зиппо» в карман. – Ладно. Без паники. Мы живы, это главное! Надо выйти к людям, а там уже доберёмся до своих. Трасса по-любому где-то рядом. Поймаем попутку, доедем до больницы. У меня бабки на карте есть, все порешаем. Да не смотри ты так, мы же друг другу уже хлебала разбили – предъяв никаких быть не должно!

Я с трудом поднялся на ноги. Мир снова качнулся, к горлу подкатила тошнота. Ожоги на ноге горели так, словно к ним приложили раскаленный утюг.

– Ты вокруг посмотри, решала, – хрипло сказал я. – Какая трасса?

Мы стояли на небольшом возвышении, и обзор был отличный. Во все стороны, до самого горизонта, тянулись поля. Ни одной опоры ЛЭП. Ни одной вышки сотовой связи, которые сейчас торчат даже в самых глухих деревеньках-пердищах. Ни инверсионных следов от самолетов в небе. Ничего, что напоминало бы двадцать первый век.

Пыльная дорога змеилась среди полей. Вдоль неё торчали столбы с остатками проводов. Вроде как те самые опоры ЛЭП, которые я сперва не мог увидеть. Только вот эти самые опоры местами были повалены, а натянутых проводов не было и в помине. Надежда на то, что в деревне окажутся телефоны понемногу таяла. Если нет электричества, то откуда же будет поступать сигнал?

– Это что за фигня такая? – я кивнул на столбы. – Как будто тут электричество не нужно!

– Да эко-поселение, наверное, – отмахнулся Игорь. – Или заповедник. Ну знаешь, сейчас всякую херню восстанавливают. Дауншифтеры разные, староверы там, сектанты... Давай на дорогу, а то тут осока и крапива...

И мы пошли.

Это был самый трудный марш-бросок в моей жизни. Шаг за шагом босые ноги ступали по горячей пыли. Подошвы вскоре стёрлись о камушки. Пришлось перевязать ступни остатками ткани от куртки.

Солнце хреначило так, словно хотело спалить остатки мозгов. Пить хотелось так, что всё бы отдал за утреннее пиво.

Игорь хромал рядом. Сейчас, побитый и обгоревший, он был похож на бомжа с Курского вокзала, только без перегара.

Я смотрел под ноги и мой мозг начал фиксировать странности. Вот что значит тренировка на историческом факультете, где любая мелочь может вытянуть целый ворох несоответствий!

Дорога... вроде бы обычная грунтовка. Но на ней не было следов протекторов! Земля была покрыта следами копыт и глубокими колеями от тележных колес. И еще... конский навоз попадался. Конские яблоки добавляли аромат в жаркий воздух.

– Игорек, – позвал я, когда остановился перевести дух. – А где машины?

– В смысле? – он обернулся, вытирая пот со лба грязной рукой.

– На дороге нет следов от шин. Только лошади. Мы что, в девятнадцатый век попали?

– Соколов, не ..би мне мозги своей историей, – огрызнулся он. – Я же говорю, заповедник! Или кино снимают. Точно! Декорации! Сейчас выскочит Михалков с мегафоном и массовка помчится толпой.

Я хотел ему ответить, что даже Михалков не стал бы перекапывать километры дороги ради аутентичности, но тут до моих ушей донесся звук.

Сначала я подумал, что это гром. Раскатистый гул, донесся откуда-то из-за горизонта, с запада. Земля под ногами дрогнула.

Бум... бум... бум-бум...

Вряд ли это раскаты грома. Этот звук бил по нервам, отдавался вибрацией в печёнках.

Я замер, прислушался. И понял! Ну ни хрена же себе!

Я много читал. Смотрел документалки. Общался с ветеранами, когда мы от универа ходили записывать их воспоминания для архива. Один старый артиллерист, дедок с водянистыми глазами, рассказывал мне, как звучит фронт издалека: «Как будто великан в пустую бочку колотит, сынок. Земля дрожит, а небо ясное». И вот сейчас была похожая ситуация. Неизвестный великан колотил в пустую бочку.

– Гроза собирается? – Игорь с надеждой посмотрел на безоблачное небо. – Хоть бы дождик пошел...

– Не, – мой голос дрогнул. – Это артиллерия хреначит. Километрах в двадцати от нас.

– Чего? Какая нахер артиллерия? – он нервно хохотнул. – Полигон, что ли, рядом? Учения?

– На учениях так не кроют. Похоже, что это артподготовка.

– Соколов, у тебя от боли крыша поехала. Какая артподготовка в Подмосковье?

– Я не знаю! – сорвался я. – Но это пушки, придурок! Я тебе точно говорю!

Словно в подтверждение моих слов, гул усилился, слился в сплошной рокот.

И тут впереди, из-за поворота дороги, донесся скрип и фыркание лошади. Пока что берёзовая роща скрывала объект, но кто-то определённо двигался к нам.

Мы замерли. Неужели живые люди?

Из-за деревьев вынырнула телега. Настоящая крестьянская телега, запряженная худой лошадежкой. На перепалке сидела женщина.

Я впился в нее взглядом, пытаюсь найти хоть одну деталь из нашего времени. Кепку с лейблом, кроссовки, пластиковую бутылку воды рядом на сене... Блин, да что угодно! Что угодно, только не то, о чём я думаю!

Но женщина выглядела так, словно сошла со страниц учебника истории за седьмой класс. На ней была застиранная до серости холщовая рубаша, темная юбка в пол и повязанный по самые брови серый платок. Лицо обветренное, с глубокими морщинами, хотя ей на вид было не больше сорока.

– Вот! Местные! – обрадовался Игорь и, забыв про боль, захромал навстречу телеге, размахивая руками. – Эй! Женщина! Мадамка! Помогите! Да подождите вы, в самом деле!

Тетка вздрогнула, натянула вожжи. Лошадь остановилась, прядая ушами.

Мы с Игорем подошли ближе. Я видел, как расширяются глаза женщины. И ее можно было понять. Из кустов на нее вывалились два обгоревших упыря. Один практически голый, в изодранных синих штанах, второй в лохмотьях, с безумным взглядом и в странной обуви с толстой белой подошвой.

– Здравствуйте! – Игорь попытался включить фирменное обаяние, но с разбитой губой и слоем сажи на лице это выглядело хреновастько. – Мы тут... в аварию попали. Заблудились. У вас телефон есть? Или до больницы подбросите? Заплатим хорошо!

Женщина побледнела так, что стала сливаться со своим платком. Она смотрела на нас, не мигая, а потом ее взгляд упал на кроссовки Игоря. Она судорожно слотнула.

– Господи Иисусе... – прошептала она, торопливо осеняя себя крестным знамением. Пальцы ее дрожали.

Она говорила с характерным южным фрикативным «г», мягким и певучим. Так говорят в Ростове, Краснодаре, Тамбове...

– Да вы не бойтесь, мы из Москвы! – попытался успокоить ее я, делая шаг вперед. – Нам бы только позвонить...

Женщина отшатнулась, словно я замахнулся на нее топором. В ее глазах плескался такой ужас, что мне стало не по себе.

– Свят, свят, свят... – забормотала она. – Диверсанты... Опять скинули... Не губите, родименькие! Ничегошеньки не знаю! Не знаю и не видела!

– Какие диверсанты?! – опешил Игорь. – Тетя, вы в своем уме? Мы не диверсанты, а хипстеры! То есть, я работаю, а он...

Но тетя уже не слушала. Она с силой хлестнула лошадь концом вожжей по крупу.

– Но, пошла! Пошла, окаянная!

Телега дернулась, заскрипела и покатила мимо нас, набирая скорость. Женщина даже не оглянулась, только пригнулась, словно ожидая выстрела в спину.

Мы остались стоять в облаке поднятой пыли.

– ..банутая какая-то, – растерянно протянул Игорь. – Диверсанты... Она перепила, что ли? Или сектантка?

Я молчал. Холодок, зародившийся где-то в районе солнечного сплетения, начал расплзаться по телу, замораживая внутренности.

«Скинули». Она подумала, что нас сбросили с парашютами? И она боялась нас до одури...

– Идем, – глухо сказал я. – Она откуда-то ехала. Там должна быть деревня.

Мы прошли еще метров триста. Дорога сделала изгиб, и на обочине, покосившись, стоял деревянный столб. На нём на честном слове и одном гвозде крепилась потемневшая от времени доска. Буквы на этом произведении искусства выведены белой краской:

«с. Лесное»

Ни района, ни области. Просто село Лесное. Вот как-то так. Любите и не жалуйтесь! Никаких тебе дорожных знаков, никаких предупредительных треугольников и кругов. Только одна доска с надписью...

– О, цивилизация, – обрадовался Игорь. – Сейчас найдем участкового, или кто тут у них... Может, в баньку сходим, а то грязные, как черти!

Мы поднялись на небольшой пригорок, и перед нами открылся вид, от которого мы прифигели.

В низине, у излучины небольшой речушки, раскинулась деревня. Дворов, наверное, сто или чуть больше. И это была отнюдь не та деревня, к которой мы привыкли в двадцать первом веке. Здесь не было двухэтажных кирпичных коттеджей за высокими заборами из профнастила. Не было спутниковых тарелок на крышах. Не было припаркованных у ворот иномарок.

Это была картина из музея крестьянского быта.

Избы стояли сплошь деревянные, почерневшие от времени срубы. А крыши на этих домах в основном соломенные.

Да-да, соломенные крыши!

Кое-где виднелась дранка, но соломы больше. Заборы у домов из прутьев или сколочены из кривого горбыля. На улице возвышался колодец-журавль. Из нескольких печных труб вился сизый дымок. Вряд ли это для согревания затопили, скорее всего, там готовили пищу.

– Слушай, Андрюх... – Игорь сглотнул, его кадык дернулся. – Это уже как-то вообще не прикольно. Они тут что, вообще электричества не видели? Где провода-то? Что это за секта такая? Нас в рабство не возьмут?

Я не ответил. Я смотрел на эту пастораль, и пазл в моей голове начал складываться.

Артподготовка, телега, конский навоз и слова «диверсанты». Всё это сливалось в одну страшную картину...

Нет! Мозг отказывался в это верить. Разум цеплялся за логику! Это кино снимают! Это чей-то пранк! Это по-любасу шоу Трумана, шоу на выживание. Может, мы обкурились, и это галлюцинация?

И тут звук артиллерии, который служил фоном все это время, перекрыл другой звук.

Надрывный гул мотора.

Мы оба задрали головы.

Из-за редких облаков вывалился самолет. Он шел довольно низко, метрах на восьмистах. Это был не серебристый лайнер «Аэрофлота» и не современный истребитель.

Это была угловатая машина с одним пропеллером на носу. Самолет был выкрашен в защитный серо-зеленый камуфляж. Он летел медленно, словно нехотя, брюхом царапая воздух.

– Смотри, кукурузник! – тыкнул пальцем Игорь. – Точно кино снимают!

Я прищурился, защищаясь ладонью от солнца. Самолет сделал небольшой вираж, подставляя нам свое крыло.

Мое сердце остановилось. А потом забило с такой бешеной скоростью, что, казалось, сломает ребра.

На нижней части крыла, четко выделяясь на сером фоне, был нарисован крест. Черный, прямой крест с белой окантовкой. Балкенкройц.

Это был не «кукурузник». Это был немецкий самолет-разведчик. «Рама» – так их называли. Focke-Wulf Fw 189. Я клеил такую модельку в детстве и помнил ее силуэт наизусть.

– Игорь... – мой голос превратился в жалкий писк. – Ложись.

– Чего? – он обернулся ко мне, не понимая.

– Ложись, ..лядь! В кювет! Быстро!

Я схватил его за остатки куртки и повалил в высокую траву на обочине. Боль от ожогов пронзила тело, но адреналин заглушил ее. Мы скатились в неглубокий, заросший крапивой и лопухами овраг. К боли добавилась новая боль, но раз больно, значит, живой!

– Ты совсем ..банулся?! – зашипел Игорь, пытаясь вырваться. – Больно же! Какого хера...

– Заткнись, – прохрипел я, прижимая его голову к земле. – Заткнись.

– А-а-андрюха, тут это... – заикнулся Игорь и дёрнул меня за руку.

Я оглянулся и почувствовал, как на голове зашевелились волосы. Твою же ма-а-ать! Сам едва не заорал, но сдержался.

Самолет прогудел над нами и ушел в сторону горизонта. Но гул не исчез. Наоборот, он нарастал. Только теперь он доносился не с неба, а с дороги, по которой мы только что шли.

Сквозь заросли лопухов я осторожно выглянул на грунтовку.

Из-за березовой рощицы, откуда недавно выехала телега, поднималось густое облако серой пыли. Сначала появился звук – зловеще-рычащий. Звук мощных моторов и металла, трущегося о металл.

А потом из пыли вынырнули они.

Впереди ехали три мотоцикла с колясками. Массивные, темно-серые машины. На колясках были установлены пулеметы, стволы которых хищно смотрели вперед. На мотоциклах сидели люди.

Они были одеты в серую форму. Рукава кителей закатаны выше локтей от жары. На головах поблёскивали характерные каски, похожие на перевернутые угольные ведра. На шеях блестели металлические бляхи. У пассажиров в колясках на коленях лежали короткие автоматы с рожковыми магазинами.

За мотоциклами, тяжело переваливаясь на неровностях дороги и поднимая тучи пыли, ползли два бронетранспортера. Полугусеничные. Спереди колеса, сзади гусеницы. В открытых кузовах сидели солдаты. Много солдат. В серой форме, с карабинами между колен.

За броневиками тянулись грузовики – тентованные, с квадратными кабинами. «Опель Блиц»? На их бортах, сквозь слой дорожной пыли, ясно проступали те же самые черные кресты с белой окантовкой.

Колонна двигалась неспешно, уверенно. Хозяева жизни.

Они проехали мимо нас. До них было метров тридцать, не больше. Я лежал, вжавшись лицом в вонючую, влажную землю канавы, боясь даже дышать. Я чувствовал запах выхлопных

газов, едкий запах дешевого бензина и разогретого металла. Я слышал грубый, гортанный смех солдат в бронетранспортере. Слышал обрывки фраз на чужом, лающем языке.

«...verfluchte Hitze...» (проклятая жара).

«...schneller, Hans...» (быстрее, Ганс).

И за бронетранспортёром волоклись три трупа на верёвке. Трое мужчин с разверстыми ранами на груди. То, что это трупы, было понятно – не могли так выглядеть живые люди, да и манекены не могли. Это в самом деле были трупы...

Почему я так решил? Потому что мы скатились в овраг, где лежал похожий человек. Мужчина лет сорока, в глазницах которого шевелились белесые червяки. Между его бровей чернело пулевое отверстие. Игоря вырвало и запахло ещё хуже. Меня тоже замутило, но я сдержался.

При всей своей начитанности и насмотренности телевизором, это не была постановка! А уж когда из крайней избы выбежала простоволосая женщина и один из автоматчиков со смехом срезал её автоматной очередью...

Тра-та-та-та!

Она взмахнула руками, упала и затихла. По ткани серой кофты расплылись алые пятна. А солдаты поехали дальше, даже не удосужившись взглянуть на убитую.

Игорь лежал рядом со мной. Он больше не вырывался. Он не дышал. Его глаза были распахнуты, зрачки расширились так, что почти поглотили радужку. Он смотрел сквозь траву на проезжающую колонну, и я видел, как по его грязному лицу текут слезы, оставляя светлые дорожки.

Я опустил голову на землю и закрыл глаза.

Все кончилось. Митинги, Болотная площадь, споры на кухне, интернет, демократия, планы на будущее. Все это сгорело в той вспышке на асфальте.

Мы не в заповеднике. Мы не на съемках фильма.

Мы в аду.

В самом страшном и кровавом времени, которое только знала история моей страны.

И мы здесь, безоружные, обожжённые и охреневшие напрочь.

Здесь нет прав человека. Здесь нет адвокатов и постов в соцсетях. И здесь жизнь не стоит ни хрена!

Глава 3

Я лежал, вжимался щекой в траву оврага, и слушал, как затихает вдали рычание моторов. В носу засел запах дизеля, смешанный с металлическим нанесением.

Игорь рядом дрожал. Его колотило так, что сухие стебли травы ходили ходуном.

– Всё, – выдохнул я, приподнимаясь на локтях. Обожженную кожу на боку снова окатили кипятком. – Блин блинский! Как же больно! Да всё! Уехали. Вставай, давай.

Игорь перевернулся на спину, уставился в небо безумными глазами. Его лицо сейчас напоминало маску из дешевого фильма ужасов.

– Это пранк, – выдавил он, дернув щекой. – Андрюха, отвечаю, это пранк. Или шоу. Реалити-шоу, понял? Экстремальное. Нас накачали какой-то дрянью, пока мы в отключке были, и привезли на полигон.

Он потрогал труп и отдернул палец. Вытер его об свою одежду и снова затрясся.

Я посмотрел на него, как на умалишенного:

– Какой, нахер, пранк, Игорек? Ты трупы видел? Ты видел, как бабу ту расстреляли?

– Холостые! – он попытался сесть, поморщился от боли в отбитых ребрах, но упрямо продолжил: – Ну холостые же патроны, Андрюх! А баба та... каскадерша. Под одеждой пакеты с кровью. Это же классика! Нас по-любому снимают скрытыми камерами. Где-то тут дроны летают. Сейчас из кустов вылезет какой-нибудь Нагиев или кто там у них, и скажет: «Поздравляем, вы в проекте, главный приз – миллион баксов!» Вон, даже труп спецом сюда притаранили...

– Ты ..банулся? – спросил я на всякий случай и с трудом поднялся на ноги. Голова закружилась, мир на секунду померк. – Они мужиков за броником на тресе волокли. У одного полбашки снесено. Это тоже бутафория?

– Да откуда ты знаешь, как выглядит настоящая башка?! – сорвался Игорь на истеричный крик, но тут же осекся, оглянувшись на дорогу. – Это же Голливуд, Соколов. Понимаешь? Масштабный исторический проект. Или иммерсивный театр. А чо? В Москве сейчас такое модно. Башляешь бабки и тебя погружают в эпоху. Кто-то из наших был уже на таком...

Слушать этот бред не было ни сил, ни желания. Мозг Игоря, привыкший к офисам с кондеем, смузи и безопасности в пределах Садового кольца, отказывался переваривать реальность. Защитная реакция? Отрицание? Он пытался всему найти оправдание.

Я оторвал от оставшихся джинсов еще один лоскут, кое-как обмотал стертую в кровь ступню.

– Пошли, – бросил я. – Топаем до деревни. Там разберемся, где твой Нагиев прячется.

Мы выбрались из канавы и поплелись к видневшимся в низине крышам. С каждым шагом моя уверенность в том, что мы провалились в беспросветную задницу, только крепла.

На дороге не было ни грамма асфальтовой крошки, ни намек на щебень. Только спрессованная земля и колеи от телег. По краям колыхались заросли лебеды и крапивы.

А когда мы подошли к крайним избам, меня пробрал ледяной озноб, несмотря на палящее солнце.

Село Лесное выглядело так, словно вымерло. Многие двери висели распахнутыми. Кое-где чернели свежие пепелища, да и в воздухе тянуло гарью.

На улице почти не было людей. А те, кого мы замечали, заставляли сердце сжиматься. В основном бабы в выцветших платках, древние старики и чумазные дети. Ни одного здорового мужика призывного возраста.

А вот и нас заметили... Женщина, тащившая ведра на коромысле, ойкнула, бросила воду и метнулась в калитку, загремела засовом на двери. Стайка пацанят в длинных, не по размеру, рубахах, брызнула в разные стороны, как воробьи от кота.

Мы шли по улице, и я слышал, как за нашими спинами хлопают ставни и шелкают дверные крючки.

И я их понимал. Выглядели мы как восставшие из ада. Я практически голый, в изодранных, обгоревших джинсах, на которых запеклась кровь и грязь. Грудь и руки в волдырях от ожогов. Игорь в лохмотьях того, что когда-то было дорогой ветровкой, с разбитой мордой, прихрамывающий на одну ногу в своих уцелевших, но уже серых «ню-балансах». Упыри, мля, восставшие из ада...

– Эй! Уважаемые! – Игорь попытался включить менеджерское обаяние, но голос сорвался на петушинный писк. – Здравствуйте! Мы тут... заблудились! Из Москвы мы! Подскажите, где у вас тут администрация? Или съемочная группа?

В ответ только скрип ставней и завывание худой собаки на цепи.

– Дебил, заткнись, – процедил я сквозь зубы. – Ты нас сейчас под пули подведешь. Ты забыл, что та баба на телеге кричала? Диверсанты. Они нас за парашютистов принимают.

– Каких парашютистов?! – взвился Игорь. – Я старший аналитик банка! У меня зарплата под семьдесят кусков! Я им сейчас всем...

Он не договорил. Мы поравнялись с крепким на вид пятистенком. У калитки стояла пожилая женщина. На вид ей было под шестьдесят, хотя, зная реалии того времени, могло быть и сорок с небольшим. Лицо изрезано морщинами, руки узловатые, как корни старого дуба. Поверх ситцевого платья повязан фартук.

Она не убежала. Стояла, опираясь на деревянную клюку, и смотрела на нас. В ее выцветших серых глазах не было паники, только настороженность.

– Здравствуйте, – я остановился, подняв пустые руки, показывая, что мы не опасны. – Мы... мы погорельцы. Обожглись сильно. Воды не дадите? Попить бы нам. И умыться бы.

Она молчала, переводя взгляд с моих ожогов на странную обувь Игоря, потом на наши лица. Губы ее беззвучно шевелились, словно она читала молитву.

– Не местные вы, – наконец произнесла она. Голос был сухой, надтреснутый. – Откель такие взяли? Срамные какие... Обгоревшие... Ох, Господи помилуй.

– Из Москвы мы, – брякнул Игорь, выступая вперед. – Тетенька, умоляю, дайте воды. И телефон дайте, если есть. Я заплачу! У меня деньги на карте!

Женщина нахмурилась. Слова «телефон» и «карта» пролетели мимо ее сознания, а вот «Москва» зацепила.

– С Москвы? – она перекрестилась. – Как же вы пробрались-то сюда через немцев? Одеты чудно. Может, и кресты на вас есть? Или вы партийные?

До меня дошло, что если сейчас отвечу «нет» (а крестиков мы отродясь не носили, будучи убежденными атеистами), то калитка закроется навсегда. Если тут так часто упоминали Господа, то ещё не успели коммунисты вытравить сознание отрицанием "опиума для народа".

– Сгорели гайтаны, бабушка, – соврал я. – Все почти сгорело. Сами еле живые ушли. Помогите, это... Христа ради.

Услышав знакомую формулу, женщина вздохнула. Оглянулась на пустую улицу, словно проверяя, не видит ли кто.

– Заходите, касатики, – она отступила в сторону, приоткрывая калитку. – Быстро только. Не ровен час, полицаи нагрянут или немчура вернется.

Слово «полицаи» ударило меня по ушам, как набат. Я посмотрел на Игоря. Тот лишь сглотнул, но промолчал.

Двор был бедным, но чистым. Пахло навозом, сухим сеном. Женщина провела нас в избу.

Внутри царил полумрак. Маленькие окошки пропускали немного света. Большую часть комнаты занимала русская печь. В красном углу тускло поблескивали оклады икон, перед ними теплилась лампадка. Посреди комнаты деревянный стол и две лавки.

– Садитесь, – велела хозяйка. – Лопухина я, Дарья Семеновна. Вдовствую тут одна, уж месяца два как похоронку принесли, так что... А вас как звать-величать?

– Андрей Соколов, – я опустился на лавку, чувствуя, как гудят стертые ноги. – Студент Московского Государственного университета.

– Игорь Волков, – друг плюхнулся рядом, озираясь по сторонам с любопытством. – Менеджер я. Слушайте, а антураженько тут у вас. Реквизиторы постарались. А камеры где спрятали? В печке?

Дарья Семеновна не обратила на его бред никакого внимания. Она принесла деревянный ковш с колодезной водой. Я припал к нему губами, и мне показалось, что ничего вкуснее в жизни я не пил. Вода ломила зубы, отдавала деревом. Игорь выхватил ковш, едва я выпил половину, а потом сам осушил до дна. Ох, как же жадно он глотал и даже проливал на подбородок. Пил так, как будто половину Сахары на своих двоих преодолел.

Пока мы пили, хозяйка вытасила из шкафчика глиняную плоскую тарелку с мазью. От неё пахло прогорклым жиром и травами.

– Скидавайте лохмотья, – скомандовала она. – Да чего смотрите? Ожоги мазать буду. Гусиный жир с чистотелом энтю, враз должно полегчать. Ежели запустить, то потом лихоманку споймаете.

Терпя боль, мы позволили ей обработать наши раны. Мазь действительно холодила кожу, принося облегчение.

Когда с медициной разобрались, я решил, что пора бы расставить точки над "и".

– Дарья Семеновна, – кашлянул я. – Вы простите нас, мы правда, как будто с луны свалились. Контузило нас взрывом. Ничего почти и не помним. Подскажите, а где мы сейчас находимся?

Она удивленно вскинула брови.

– Известно где. В Лесном.

– Это деревня так называется, ой, то есть село. А область какая?

– Воронежская, – она посмотрела на меня с жалостью. – Совсем, видать, мозги отшибло, касатик.

Я переглянулся с Игорем. Тот ухмыльнулся, скривив разбитые губы.

– Ну вот! – он хлопнул ладонью по столу. – Я же говорил, что Воронеж! Нас просто вывезли за город. Ночью, пока мы в отключке были. Часов пять-шесть езды по М-4. Все сходится!

Я проигнорировал его радостный возглас. У меня внутри все сжалось в комок. Я должен был задать главный вопрос, хотя ответ уже знал. Не хотел знать, но знал! И этого ответа я страшился больше всего!

– Дарья Семеновна... А какое сегодня число?

Она задумалась, вытирая руки о фартук.

– Да почитай, девятое июля будет. Вчерась Тихвинскую икону Божьей матери не праздновали, не до того было...

– Девятое июля, – эхом повторил я. – А год? Какой год?

Женщина замерла. Она долго смотрела на меня, перевела взгляд на Игоря, потом снова на меня. В ее глазах мелькнул испуг.

– Ты головой-то очень сильно втюхался, сынок? – осторожно спросила она. – Сорок второй год. Тысяча девятьсот сорок второй от Рождества Христова.

Я крикнул от огорчения. Вот и узнал ответ... Слышно было, как за окном жужжит жирная муха, бьющаяся о стекло.

Сорок второй год. Жопа полная! Да что там полная - огромная. И мы как раз в центре этой самой огромной жопы!

И вдруг Игорь заржал.

Сначала захихикал, потом начал смеяться все громче и громче, словно переходя в истерику. Он смеялся, хватаясь за ушибленные ребра и откидывая голову назад.

– Ой, ..ля-я-я... – выдавил он сквозь смех. – Сорок второй! Отлично играете, бабуля! Оскар в студию! Очень натурально! Станиславский бы кипятком тут все углы обоссал!

Дарья Семеновна попятилась к печи, испуганно крестясь.

– Чего играем? – прошептала она. – Бесноватый он у тебя, Андрейка? Али вообще отшибленный напрочь?

– Нет, – я стиснул зубы. – Просто дурак.

Я пнул Игоря под столом по ноге. Тот охнул и заткнулся, зыркнув на меня.

– Да отвали ты, лошарик! Слышь, баб Даш, – Игорь вытер слезы, выступившие от смеха.

– А где тут ближайший магаз?

– Какой еще магаз? – не поняла она.

– Ну... магаз. Супермаркет. Ну или сельпо ваше, где продукты купить можно.

– Супер... чего? – Дарья Семеновна заморгала. – Лавка у нас была. Да только немцы, как вошли третьего дня, все подчистую выгребли. И сельпо в районе разграбили. Нету ничего.

Игорь нахмурился.

– Ладно. Хрен с ним, с магазином. А где у вас зарядку для телефона найти можно? Может, у кого мобила найдётся?

Дарья Семеновна несколько секунд молчала, переводила взгляд то на меня, то на Игоря.

– Для какого... тела? Зарядку? Это чтоб покойник лежал ровно в рядку, что ли?

– Да не для тела! Для мобилы! – Игорь вытащил из кармана сломанный айфон. – У меня батарея села! А позвонить срочно надо! Помощь вызвать или такси!

Женщина уставилась на черный кусок пластика:

– Господи, что это за стекляшка черная? Зеркальце колдовское?

– Бабуль, хорош придураться, – Игорь аж покраснел. – Розетка где? Электричество есть? Или хотя бы вай-фай?

Он всё равно не хотел принимать новую реальность. Не хотел верить в то, что нет сейчас никакого вай-фая. Не придумали ещё...

– Вай... что? – она отступила еще, нащупала рукой ухват. – Сынок... у тебя жар, видать. Бредишь ты. Какие розетки? Огонь, что ли? Дык у нас керосин-то еще по весне кончился, лучины жжем.

Их диалог в другой ситуации вызвал бы у меня дикий хохот. Какая-то грёбаная сцена из дурацкого ситкома. Два столичных хипстера из двадцать первого века пытались найти вай-фай в деревне. Причём, в оккупированной немцами деревне. В сорок втором году. Оборжаться можно!

Мда, прикольно... Но сейчас мне почему-то было не до смеха. Я видел, что Дарья Семёнова не играла. Ни один актер в мире не может так играть.

– Игорь, заткнись, – сказал я. – Заткнись, пока нас вилами не закололи.

Я повернулся к хозяйке:

– Дарья Семеновна, да не слушайте вы его, это всё контузия проклятая колобродит. Скажите лучше вот что... Немцы-то давно в деревне?

Она расслабилась, когда услышала нормальную речь:

– Третьего дня нагрянули ироды. Поросят всех покрали, кур переловили. Девочку кого поймали, насильничали... Сегодня вон...

Женщина всхлипнула и прижала кончик платка к глазам. В моей памяти выпрыгнула картинка бегущей девушки...

– А фронт где? Далеко?

Она махнула рукой куда-то на восток.

– Да кто ж его знает, касатик. Громыхает вон там, за Доном. Наши-то отступали шибко. Прямо через деревню шли, черные все, пыльные, злые. Говорят, Воронеж горит. А немчура прет и прет. К Сталинграду, сказывают, подбираются.

– А в лесах? – я понизил голос. – Наши есть? Партизаны? Красноармейцы?

Дарья Семеновна приложила палец к губам. Оглянулась на дверь:

– Тише ты! Очумел? За такие разговоры нынче к стенке ставят.

Она подошла ближе, заговорила полупшепотом:

– Стреляют в лесу иногда. Надесь обоз немецкий пожгли на тракте. Немцы лютуют теперь. Старосту назначили, Гордеева Петра, гниду такую. Полицаев себе из местных набрали – пьянь да рвань всякую. Вчера только под забором волохались, а сегодня вон, ходят панами, да ищут партизан. Сегодня облаву делали, кого-то поймали.

Я вспомнил трупы за бронетранспортером. Вот, значит, кого они волокли.

– Понятно, – я потер лицо ладонями. – Спасибо вам, Дарья Семёновна.

– Да за что спасибо-то, – она вздохнула. – Голодные, поди? Дорога-то дальняя.

– Пожрать точно не откажемся, – подал голос Игорь.

Только сейчас я понял, насколько хочу есть. Желудок скрутило судорогой.

Дарья Семеновна подошла к печи, достала чугунок. Поставила на стол две глубокие деревянные миски, положила деревянные же ложки. Налила варево. Это была жидкая похлебка – вода, несколько плавающих листиков капусты, пара кругляшей картошки и капля постного масла. Рядом она положила небольшой кусок черного, плотного, как кирпич, хлеба.

– Ешьте. Чем богаты.

Игорь заглянул в миску, брезгливо поморщился.

– Ну такое... – протянул он, как привык говорить в московских кофейнях, когда ему принесли не тот раф. Не на кокосовом, а на лавандовом...

Дарья Семеновна замерла с чугуном в руках.

– Какое такое? – не поняла она. – Прокисло, что ль? Да вроде свежее, с утра варила.

Я с силой наступил Игорю на ногу под столом.

– Очень вкусно, Дарья Семеновна, – быстро сказал я, зачерпывая ложкой мутную жижу.

– Он имел в виду – такое мы очень любим. Благодарствуем.

Я отправил похлебку в рот. Ни соли, ни специй. Травы травой. Но после первого же глотка мой организм взвыл от восторга. Я начал есть, жадно, обжигаясь, заглатывая этот суп так, словно это был деликатес из мишленовского ресторана.

Игорь посмотрел на меня, потом на свой живот, который предательски заурчал. Сдался и тоже взял ложку. Через минуту мы стучали по дну мисок, выскребая остатки.

– Хлебушек-то разделите, – сказала хозяйка.

Я взял кусок. Разломил пополам, отдал часть Игорю. Хлеб был необычного вкуса, с примесью то ли отрубей, то ли ещё чего. Мы жевали молча. И в этот момент, пережевывая горьковатый хлеб, Игорь дёрнулся.

Его взгляд вдруг стал сфокусированным. Он посмотрел на закопченный потолок, на иконы, на грубые руки Дарьи Семеновны. Потом на свои обгорелые кроссовки, покрытые слоем пыли.

Он сунул руку в карман штанов. И вытащил оттуда оплывшую банковскую карту «Бета-банка». Ярко-желтую, с чипом.

Уставился на нее.

Дарья Семеновна тоже заметила яркий предмет.

– Ой, а это что за образец такой? – она вытерла руки о фартук, с любопытством заглядывая через плечо Игоря. – Гладкий какой... С полоской. И фотографии нет. Буквы не наши. Немецкий, что ль?

Игорь повертел карту в пальцах.

– Это... – его голос дрогнул. – Это, бабуля, пропуск в нормальную жизнь. Был...

Он усмехнулся, но смех вышел жалким.

– Тут двести тысяч рублей на счету, – сказал он, ни к кому не обращаясь. – Я на Мальдивы собирался в августе. С Машкой. А теперь это просто кусок пластика. Им даже задницу не подотрешь.

Дарья Семеновна ничего не поняла про Мальдивы и пластик, но уловила интонацию.

– Деньги, значит? – она покачала головой. – А деньги-то советские сейчас не в ходу. Немцы свои марки суют, да только на кой они нам? Меняем все. Яйца на соль, сало на мыло. А с этой картонкой твоей... разве что печку растопить.

Игорь бросил карту на стол. Она звякнула. Беспольный артефакт из будущего.

– Вы можете у меня сегодня переночевать, а по утру пойдёте далее. Утром немцы не такие злые, сонные, – сказала Дарья Семёновна.

Я поблагодарил её в ответ. Игорь просто кивнул, продолжая гипнотизировать угол.

К вечеру настроение в избе стало гнетущим.

Солнце село, и изба погрузилась в сизые сумерки. Дарья Семеновна не стала зажигать лучину – сказала, что немцы приказали соблюдать светомаскировку. Если увидят свет в окне после отбоя, то могут пальнуть ради развлечения.

Мы сидели в темноте. Я прислонился спиной к теплому боку печи, чувствуя, как ноет все тело.

Я больше не сомневался. Все, что я знал, все, во что верил, рухнуло. Мы не на съемках. Мы в тысяча девятьсот сорок втором году. В самом эпицентре страшной мясорубки.

Мои знания истории, которыми я так гордился на семинарах, здесь казались бесполезными. Ну знаю я, что Паулюса под Сталинградом окружают. Знаю, что будет Курская дуга. И что? Как это поможет мне прямо сейчас не сдохнуть от голода, заражения крови или немецкой пули?

Я посмотрел на Игоря. Он сидел, обхватив голову руками, и раскачивался из стороны в сторону. Его отрицание дало трещину и рассыпалось в прах. Он больше не вспоминал про кураторов, полицию и Нагиева. Он был напуган до усрачки.

– Андрюх... – донесся из темноты его сдавленный шепот. – Что делать будем?

– Выживать, – так же тихо ответил я. – Забудь про права человека, Игорек. Забудь про адвокатов и посты в Фейсбуке. Здесь за косой взгляд может прилететь пуля в лоб.

– Я не хочу здесь быть, – он всхлипнул. – Я домой хочу. У меня же там ипотека... У меня машина на парковке... Машка там...

– Заткнись, – жестко оборвал я. – Собери сопли. Мы живы. Руки-ноги целы. Будем пробиваться к своим. Либо линию фронта переходить, либо партизан искать.

– Каких партизан?! – зашипел он. – Ты кино пересмотрел? Мы для них шпионы! Нас к стенке поставят! Без документов, в странной одежде, с непонятными словами! Мы для них чужие! Мы для всех тут чужие!

Он был прав. Наша речь, наши привычки, наши знания – все это было смертельно опасно. Мы не умели колоть дрова, не умели запрягать лошадь, не знали, как обращаться с винтовкой. Мы умели делать презентации в PowerPoint, писать всякие посты в ВК и спорить о либеральных ценностях. Здесь за эти навыки давали ровно хрен и по башке могло прилететь вдобавок.

Вдруг на улице раздался собачий лай. Сначала в одном дворе, потом в другом. Лай перешел в истошный, захлебывающийся хрип.

Затем мы услышали звук мотора. Рокочущий, громкий. Он приближался к дому Дарьи Семеновны.

В избе скрипнули половицы. Хозяйка метнулась к окну, осторожно выглянула в щель между ставнями.

– Мать Божья... – выдохнула она, и в ее голосе был такой ужас, что у меня волосы на затылке встали дыбом.

– Что там? – я вскочил на ноги, забыв про боль.

– Немцы! – зашипела она, отпрыгивая от окна. – На машине! К двору старосты едут, а это по соседству! И полицаи с ними!

Скрипнули тормоза. Раздались гортанные крики на немецком. Захлопали дверцы машины. Кто-то пьяно заржал по-русски:

– Открывай, Петруха! Гостей принимай!

Дарья Семеновна подскочила к нам, схватила меня за руку своими цепкими пальцами.

– А ну, живо! – скомандовала она, таща меня к темному углу, где виднелась приставная лестница. – На чердак! Оба! Живо, кому говорю!

– Зачем? – не понял Игорь, впадая в ступор. – Они же к соседям!

– Идиота кусок! – Дарья Семеновна отвесила ему звонкую затрещину, от которой он пошатнулся. – Они сейчас по дворам пойдут! Яйки, млеко искать! А вас ежели увидят, так расстреляют на месте! И меня с вами! За укрывательство диверсантов! Лезьте, сучьи дети, пока нас всех не порешили!

Инстинкт самосохранения сработал быстрее разума. Я рванул к лестнице. Забрался по скрипучим, рассохшимся перекладинам, обдирая в кровь и без того израненные руки. Игорь полез следом, тихо матерясь.

Чердак встретил нас спертым воздухом, запахом пыли, старых веников и мышиного дерьма. Как пахнет мышиное дерьмо? Один раз понюхаете – на всю жизнь запомните. Я нюхал, я знаю!

Мы забились в самый дальний угол, под скос соломенной крыши, и зарылись в кучу слежавшегося сена.

Внизу скрипнула дверь. Дарья Семеновна вышла в сени.

Мы лежали в кромешной темноте, прижавшись друг к другу. Я чувствовал, как колотится сердце Игоря. Оно билось в том же бешеном ритме, что и мое.

На улице раздался громкий стук в калитку. Удары сапогом по дереву.

– Эй, бабка! Открывай! – крикнул всё тот же пьяный голос. – Проверка!

– Иду, родимые, иду! – запричитала снизу Дарья Семеновна. Загремел засов.

Мы с Игорем вжались в сено, боясь даже дышать. Пыль забивалась в нос, щекотала ноздри, но я стиснул зубы так, что они заскрипели, лишь бы не чихнуть.

А чесалось страшно. И если я сдерживал себя, то вот Игорю это не удалось.

– Апчхи! – грохнул он, лёжа рядом.

Глава 4

Громоподобное «Апчхи!» Игоря разорвало тишину чердака. Твою же маму!

Мое сердце ухнуло куда-то в район желудка, пробило его и покатилося к обожженным пяткам. Я зажмурился так сильно, что перед глазами поплыли красные круги. Вцепился пальцами в прелое сено.

Пи..дец. Вот теперь точно пи..дец.

Внизу, в сениях, повисла пауза. Смолкли шаги и оборвался пьяный смех. Даже половицы перестали скрипеть.

А затем раздался гортанный окрик:

– Da oben! Wer ist da?! (Там наверху! Кто там?!)

Загремели сапоги. Кто-то ударил прикладом по лестнице, ведущей к нашему укрытию. Дарья Семеновна заголосила:

– Ой, батюшки, да мыши это, наверное! Али коты блудят, господин хороший! Там пустой чердак!

– Halt die Klappe, alte Hexe! (Заткнись, старая ведьма!) – рявкнул немец.

Послышался звук плюхи. Бабка охнула и запричитала тише.

– А ну, Петруха, лезь, глянь, кого эта старая карга там прячет, – скомандовал глумливый голос.

Судя по языку русский, но от этого лучше не стало. Полицаи. Свои же? Продались за баварское пиво и пайку?

Лестница заскрипела под залезающим телом. В щель между досками сначала ударил луч фонаря. Потом этот луч по-хозяйски припёрся к нам в полной своей раскрытости. Свет заметался по стропилам, выхватил из мрака связки сушеных трав, старое корыто и уперся в нас.

Мы с Игорем лежали в сене, как два перепуганных суслик в норке. Видок у нас, наверное, был тот еще. Два чумазых мужика в лохмотьях и с выпученными глазами.

– Опа-на! – радостно гоготнул голос. – Герр лейтенант! Тут крысы завелись! Две штуки! А ну, сукины дети, слазьте, пока я вам туда гранату не закинул!

– Идем, идем! – крикнул я, понимая, что если мы сейчас промедлим, то запросто могут изрешетить через потолок.

Я пнул Игоря, который впал в ступор и только хлопал глазами:

– Вставай, дебил. Не дергайся и руки держи на виду. И не болтай лишнего!

Мы поползли к люку. Каждое движение отдавалось болью в обожженных мышцах, но адреналин глушил ее, превращал в тупую пульсацию. Я спустил ноги на лестницу. Меня тут же схватили за пятку, рванули так, что я кубарем полетел на грязный пол сеней. Следом покатилося Игорь.

Нас приветливо попинали коваными сапогами. Я свернулся клубком, прикрывая голову.

– Встать, мрази! – рявкнул полицай.

Я с трудом поднялся, помогая встать Игорю. Нас втокнули в горницу.

Картина маслом. Посреди избы, хозяйски расставив ноги, стоял немецкий офицер. На вид лет тридцать пять. Форма с иголочки, серый китель, Железный крест на груди. Лицо жесткое, скуластое, глаза холодные, как у дохлой рыбы. В руке он небрежно держал фонарик, а на поясе висела кобура с парабеллумом. Рядом переминались два солдата с автоматами наперевес.

А по бокам от офицера стояли двое наших. Полицаи. На предплечьях белые повязки с коряво нарисованной свастикой. Один молодой, прыщавый, с бегающими глазками и винтовкой-трехлинейкой. Второй мужик лет пятидесяти, толстый, с красной, обветренной мордой. От него разило сивухой.

Дарья Семеновна жалась к печке, прижимая руки к груди. Из разбитой губы по подбородку кралась струйка крови.

– Кто такие? – прищурился старший полицей, поигрывая нагайкой.

– Племянники это мои! – вдруг с надрывом, закричала бабка, бросаясь вперед. – Племяши! Из Сосновки они, с соседнего района! От Маринки Степашинной ушли, дом-то ихний сгорел опосля обстрела, вот они и обгорели все! Петенька, да ты ж меня знаешь, Петруша! Не губи сироток! Одни же остались!

Она попыталась схватить полиция за рукав, но тот отбросил её прочь, как ненужную тряпку.

– А ну цыц, старая! – рыкнул он, и я понял, что это и есть тот самый Гордеев, новый староста, о котором она рассказывала. – Какие, к черту, племянники? Я тебя, Дарья, всю жизнь знаю. Никакой родни у тебя отродясь не водилось. Тем паче с Сосновки. Бобылихой ты жила с тех пор, как муж помер. А тут на тебе! Сразу два бугая нарисовались! Да еще в каких-то портках чудных.

Гордеев подошел ко мне, осмотрел. От него несло перегаром так, что глаза заслезились. Он ткнул пальцем в остатки джинсов, потом перевел взгляд на кроссовки Игоря.

– Это что за обувка такая, а? Американская, поди? Парашютисты, суки? Диверсанты?

– Was sagt er? (Что он говорит?) – спросил офицер, глядя на Гордеева.

Полиций замялся. Похоже, что немецким он владел на уровне «хенде хох» и «матка, курка, яйки». Он начал жестикулировать, показывал пальцем в потолок, потом изображал руками падение. Если бы он был в моей команде при игре в «Крокодила», то выгнал бы его ко всем чертям после первого же раунда!

– Партизан! Пиф-паф! Сталин швайн!

Офицер закатил глаза. Ему надоело это представление. Он шагнул ко мне. Вблизи его глаза казались еще более прозрачными и пустыми.

– Wer seid ihr? (Кто вы такие?) – чеканя каждое слово, спросил он.

В голове лихорадочно крутились шестеренки. Если мы сейчас будем молчать или мычать – нас пустят в расход прямо у плетня. Для них мы никто. Мусор. Если будем говорить по-русски – Гордеев переведет при помощи жестов так, как ему выгодно, чтобы выслужиться перед хозяевами.

Я вспомнил свои пары по немецкому на истфаке. Наша препода, Эльвира Карловна, гоняла нас по грамматике так, словно готовила к заброске в тыл врага. Я сделал глубокий вдох, стараясь унять дрожь в коленях.

– Herr Offizier, – произнес я. Голос предательски дрогнул, но я откашлялся и продолжил тверже. – Wir sind keine Partisanen. Wir sind Zivilisten. (Господин офицер, мы не партизаны. Мы гражданские).

Немецкий офицер замер. Его брови поползли вверх. Гордеев вытаращил глаза так, словно я только что заговорил на латыни и нечаянно вызвал Сатану. Игорь невнятно пискнул.

– Du sprichst Deutsch? (Ты говоришь по-немецки?) – офицер склонил голову набок и начал разглядывать меня как энтомолог, нашедший редкую букашку. – Sehr interessant. Woher kommst du? (Очень интересно. Откуда ты?)

– Я... я не помню, – я говорил расплывчато, попутно изображал мучительные попытки восстановить память. – Артиллерийский обстрел. Взрыв. Меня контузило. Мы очнулись в поле. Я не помню, откуда я знаю язык. Наверное, я учил его раньше в школе... до всего этого.

Я постучал себя пальцем по виску, потом показал на свежие ссадины и обгоревшую кожу на лице.

Офицер усмехнулся.

– Amnesie? Wie praktisch. (Амнезия? Как удобно), – он обошел меня кругом. – Русский крестьянин не говорит на немецком, как выпускник Берлинского университета. Ты либо студент, который начитался коммунистических брошюр, либо... разведчик. Диверсант!

– Никак нет, господин офицер! – я продолжил цепляться за соломинку. – Я не комиссар! Я правда ничего не помню! Взрыв... огонь...

Офицер перевел взгляд на Игоря. Мой друг стоял ни жив, ни мертв. Его потряхивало. Он видел, что мой разговор с немцем отсрочил наш расстрел. И этот гений решил, что тоже должен показать свою полезность. Показать, что мы цивилизованные люди, свои в доску, и с нами тоже можно договориться. Менеджер, мать его.

Игорь вытянулся по стойке смирно, заглянул в рыбы глаза офицера и с выражением выпалил:

– Я, я! Зер гут! Их вилл! Ду! Ду хаст! Ду хаст михь! Дастиш фантастиш! Найн, найн... их комме! Их комме!

Проблема была в том, что Игорь немецкого не знал. Вообще. В школе он учил английский, да и тот помнил на уровне «Лондон из зе кэпитал оф Грейт Британ». Но в стрессовой ситуации мозг человека способен выдать удивительные вещи. Мозг Игоря выдал базу. Ту самую базу, которую он впитал за годы просмотров специфического кинематографа.

Время остановилось. Если бы у меня был пистолет, я бы застрелил его. На месте. Чтобы не мучился.

Я закрыл глаза, ожидая, что сейчас нас просто порвут на куски за издевательство над немецким языком.

Секунда. Две. Три...

А потом один из солдат, тот, что стоял у двери, хрюкнул. Он зажал рот рукой, но из него вырвался сдавленный смешок. Второй солдат переглянулся с первым, и они оба заржали. Захохотали в голосинушку.

Офицер смотрел на Игоря. Его лицо сначала пошло красными пятнами, челюсть сжалась, рука дернулась к кобуре. Но потом уголки губ дрогнули. Он отвернулся, прикрыл рот кулаком и глухо кашлянул, пряча улыбку.

– Ein echter Casanova (Настоящий Казанова), – процедил офицер, справившись с собой. Солдаты заржали еще громче.

Только Гордеев стоял, ничего не понимая, и хлопал глазами, переводя взгляд с хохочущих немцев на красного, как рак, Игоря.

– Чего он сказал-то, господин лейтенант? – подобострастно сунулся полицай.

Офицер резко оборвал смех. Его лицо снова стало каменным. Веселье закончилось так же быстро, как и началось. Мы по-прежнему были грязными подозрительными русскими в тылу немецкой армии.

– Einsperren(Запереть их), – бросил он, махнул рукой в нашу сторону и на ломаном русском сказал. – Утро отправить этих швайн в комендатура. Там есть с ними разбираться гестапо. Гестапо карашо знать, как лечить амнез. Заперить их!

– Понял! Сделаем в лучшем виде! – обрадовался Гордеев. Он замахнулся на меня оружием. – А ну, пошли, суки! На выход! Живо!

Нас вытолкали из избы. Я успел бросить взгляд на Дарью Семеновну. Она сидела у печи и мелко крестила нас вслед.

На улице было свежо. Летняя ночь остывала, готовясь к рассвету. Воздух пах свежестью ночи. Нас гнали по деревенской улице. Солдаты шли сзади, лениво переговариваясь, а Гордеев с молодым полицаем тычками подгоняли в спины.

Деревня не спала. Я чувствовал это кожей. Сквозь щели в ставнях, из-за приоткрытых калиток за нами наблюдали десятки глаз. Испуганных, настороженных, полных глухой, бес-

сильной ненависти. Никто не вышел. Никто не заступился. И я не мог их винить. Одно лишнее слово и ты ляжешь рядом с тем мужиком в овраге.

Нас довели до крепкого двора. Судя по всему, хозяев здесь уже не было. Гордеев подошел к приземистому строению, похожему на сарай, откинул тяжелый кованый засов и распахнул дубовую дверь. Из темноты пахло сыростью, прелой картошкой и плесенью. Погреб.

– Пошли, пошли, интеллигенция! – полицай грубо толкнул Игоря в спину.

Тот споткнулся о порог и полетел в темноту, загремев по деревянным ступеням. Я спустился следом, стараясь не упасть.

– Сидите тихо, мыши. Утром вас на ремни резать будут, – радостно пообещал Гордеев.

Дверь с грохотом захлопнулась. Лязгнул засов. Наступила непроницаемая тьма.

Я постоял несколько секунд, привыкая к темноте. Шагнул вперед, нащупал ногой земляной пол. В нос ударил густой запах гнили. Под ногами что-то хрустнуло, кажется, старые корнеплоды.

– Игорь? – позвал я. – Ты как там?

Сбоку раздался стон. Я пошел на звук, опустился на колени и нащупал его плечо. Игорь сидел на земле, привалившись спиной к шершавой бревенчатой стене. Его колотило.

– Андрюха... – его голос срывался, звучал жалко и надломленно. – Андрюха, это пи..ец!

– Я в курсе, – я сел рядом, вытянув гудящие ноги.

Холод от земли начал пробираться сквозь жалкие лохмотья, остужая ожоги, но принося новую боль.

– Нет, ты не понимаешь. Я только сейчас понял. До конца понял! – в темноте слышался звук, похожий на всхлип. – Это не шоу. Нас не спасут. У меня нет адвоката. Моя банковская карточка здесь как кусок говна. Мы в сорок втором году, Андрюха. В оккупации. И завтра нас будут пытаться.

Я молчал. Утешать его было бессмысленно. Врать тем более. Он был прав на сто процентов. Мы попали в самую страшную мясорубку человечества, не имея при себе ничего, кроме гонора жителей двадцать первого века. А этот гонор здесь не стоил и ломаного гроша.

– Зачем ты это сказал? – вдруг спросил я, вспомнив сцену в избе.

– Что?

– «Дастеиш фантастиш». Ты совсем ..анутый? Ты понимаешь, что они могли нас там же положить за дерзость?

Игорь истерично хохотнул.

– Да я от страха! Я хотел показать, что я тоже... ну, полиглот! Я думал, это какие-то вежливые слова! Я же в немецком ноль! Я только порнуху немецкую смотрел, когда в универе учился! Там все бабы это кричали! Откуда мне было знать, что это значит?!

– Это значит «Да, очень хорошо, это фантастика, я кончаю», – мрачно перевел я. – Отличный способ наладить дипломатические отношения с Вермахтом, браво.

– Да пошел ты! – огрызнулся он, но тут же сдулся. – Прости. Я реально обосрался. Я думал, сейчас этот упырь со свастикой достанет ствол и пустит тебе пулю в лоб. А потом и мне...

Мы замолчали. В погребе было холодно и сыро. Где-то в углу скреблась мышь. Мои ожоги, которые Дарья Семеновна заботливо намазала гусиным жиром, снова начали гореть, словно к ним приложили утюг. Я стиснул зубы.

– Андрюх, – снова подал голос Игорь. – А что дальше? Ну вот завтра... что будет?

– А хрен его знает, – честно ответил я. – Утром нас погонят в гестапо. Или в полевую жандармерию. Будут бить. Долго и больно. Пытаться выбить признание, что мы партизаны или парашютисты.

– Но мы же ничего не знаем! Мы им ничего не скажем!

– В том-то и проблема, Игорек. Они не поверят, что мы ничего не знаем. А когда поймут, что толку от нас ноль... просто повесят на площади. Для устрашения.

Игорь заскулил, обхватил голову руками.

– Я не хочу! Я не могу так... Я же не герой, Андрюха! Я не Александр Матросов. Я не лягу на амбразуру. Я жить хочу. Я на Мальдивы хотел... У меня машина в кредите...

Меня даже затрясло от раздражения.

– Заткнись про свою машину! Нет больше твоей машины! Нет Мальдив! Есть только этот вонючий погреб и завтрашний расстрел! Если хочешь выжить – прекрати ныть и думай башкой!

– Да чем тут думать?! – взвился он. – Что я могу? Я в Excel таблицы сводил! Я презентации делал! Как мне это здесь поможет?! Графики им нарисовать, как быстро мы сдохнем?!

Он был прав. Мы тут вообще бесполезны. Мои знания истории всего лишь сухие факты из учебников. Даты битв, фамилии генералов, направления ударов армий. Но кому я их смогу передать? Да к тому же я не умею стрелять из ППШ. Я не знаю, как собрать мину. Я даже костер развести без спичек не смогу.

Мы были тепличными растениями, которых вышвырнули в ледяную пустыню.

Ночь тянулась бесконечно. Мы сидели, прижавшись друг к другу, чтобы хоть как-то сохранить тепло. Холод пробирал до костей. Я то проваливался в мутную дрему, то выныривал из нее от боли в ожогах и собственного стога.

Время здесь не имело значения, но по моим внутренним часам было около трех ночи, когда я услышал странный звук.

Сначала мне показалось, что это снова мыши. Тихий шорох у самой двери. Но потом звук повторился. Скрежет. Словно кто-то поцарапал ногтями по дереву.

Я открыл глаза и прислушался. В верхней части двери была небольшая щель – вентиляционное отверстие, забранное толстыми прутьями. Сквозь него пробивался тусклый свет луны.

– Дядьки... – раздался оттуда едва слышный шепот. – Эй, дядьки... Живые?

Я вздрогнул. Толкнул Игоря в бок, заставив его проснуться. Тот замычал, но я зажал ему рот рукой.

– Тихо, – шепнул я.

Я на четвереньках подполз к двери, кляня свои стертые колени. Осторожно приподнялся, цепляясь пальцами за шершавые доски, и прильнул глазом к щели.

По ту сторону решетки, в бледном свете луны, я увидел лицо. Мальчишка. Лет одиннадцати-двенадцати. Вихры торчат в разные стороны, нос в веснушках, на щеке размазана сажа. Он шурился, пытаясь разглядеть что-то в темноте погреба.

– Ты кто? – хрипло спросил я.

Мальчишка вздрогнул, но не убежал. Он придвинулся ближе к решетке.

– Егорка я. Шубин. Меня баб Даша прислала. Сказала, чтоб я вам пожрать принес. А то завтра вас, сказывают, немцам отдадут, так хоть напоследок...

Он не договорил, но смысл был ясен. Хоть перед смертью поедят.

Я почувствовал, как к горлу подкатил комок. Эта старая женщина, которую мы подвергли смертельной опасности, которую из-за нас ударил немец, все равно не бросила нас. Она послала ребенка. В комендантский час. Когда за появление на улице стреляли без предупреждения.

– Егорка... – мой голос дрогнул. – Спасибо тебе. И баб Даше передай...

– Да погоди ты спасибовать, – деловито перебил пацан. – Лови давай.

В щель между прутьями протиснулся ломоть черного хлеба. Я жадно схватил его. Следом пролез изрядный шмат пожелтевшего сала, завернутый в тряпицу. Потом, одна за другой, две крупные луковицы.

Игорь, который уже подполз ко мне, выхватил одну луковицу и тут же, не очищая от шелухи, впился в нее зубами. Захрустел, как яблоком.

– Вода еще есть, – зашептал Егорка с той стороны. Послышался звук глиняной посуды.
– В крынку налил.

Он попытался просунуть кувшинчик сквозь прутья. Тот скрипнул по металлу, но не пролез. Слишком широкое горлышко.

– Тьфу ты, пропасть, – раздосадовано выдохнул пацан. Он подергал кувшин, потом вздохнул. – Не лезет, зараза. Ладно. Я тут поставлю, у порога. Захочете пить – сами возьмете.

Я опешил.

– Как мы возьмем, Егор? Мы же заперты!

Пацан по ту сторону двери вдруг улыбнулся:

– Ну, я отдал, а вы как знаете! Покедова!

После этого побежал прочь и вскоре скрылся в кустах смородины.

Глава 5

Свет пробивался сквозь крошечное вентиляционное оконце. К нам залез тонкий луч, в котором лениво кружились какие-то соринки. Этот свет ни хрена не приносил тепла. Наоборот, с наступлением утра холод, скопившийся за ночь в земляных стенах, словно ожил и принялся методично высасывать из нас остатки жизни.

Меня колотило. Ожоги на ногах и боку, которые Дарья Семеновна заботливо смазала гусиным жиром, за ночь стянуло коркой. Любое движение отдавалось режущей болью, хотелось выть, но я терпел. Стискивал зубы до скрежета и терпел.

Мы сидели по разные стороны погребца, как два нахохлившихся, побитых жизнью воробья. Между нами, на перевернутом деревянном ящике, лежали остатки роскоши, подаренной пацаном Егоркой: корочка черного, как торф, хлеба, и граммов пятьдесят пожелтевшего сала с прожилками мяса. Луковицы мы сожрали еще ночью, грызли их как яблоки, обжигая языки злой горечью.

Я отломил кусок хлеба. Пальцы не слушались, заиндивели от грязи и холода. Положил сверху тонкий ломтик сала, отправил всё это в рот.

Господи, как же это было вкусно. Никакие крафтовые бургеры, никакие стейки рибай прожарки «медиум-рэр» за конские деньги не шли ни в какое сравнение с этим пахнущим дымом хлебом. Сало таяло на языке, обволакивая горло солоноватым жиром. Я жевал и старался растянуть удовольствие, вслушиваясь в каждый звук снаружи.

Там, наверху, уже началась жизнь. Скрипели колодезные журавли, мычали недоенные коровы, хлопали двери. Пару раз вдалеке протарахтел мотоцикл. Деревня просыпалась даже под сапогом нового хозяина.

Игорь сидел напротив, подтянув колени к подбородку. Он тоже жевал вторую половину, уставившись в точку перед собой. Его модная прическа, на которую он тратил кучу времени по утрам, превратилась в грязный колтун. Лицо осунулось, покрылось слоем копоти. Под глазом наливался шикарный фиолетовый синяк, вроде мой вчерашний подарок, а может быть и с лестницы навернулся.

Немцы не спешили. Нас не вытащили на расстрел ни с первыми лучами солнца, ни час спустя. И это ожидание выматывало хуже любой пытки.

– Не придут, – наконец произнес я.

Голос прозвучал чужой, каркающий. Как будто вовсе и не я говорил, а кто-то посторонний меня озвучивал.

Игорь перевел на меня взгляд. В полумраке его глаза виднелись провалами.

– Чо?

– Я говорю, не спешат они, – я привалился затылком к шершавому бревну стены. От него пахло сыростью и грибком. – А знаешь, почему? Потому что чего тут решать? Для них мы сейчас как подарки с небес. Два хера с горы, без документов, в шмотках, которых они отродясь не видели. Один по-немецки шпрехает, как заправский агент, второй вообще неадекват.

– Я не неадекват, – огрызнулся Игорь, но как-то вяло.

– Да? А кто вчера немецкому офицеру порнуху цитировал? – я криво усмехнулся, хотя губы потрескались и закровили. – Игорек, давай смотреть правде в глаза. Мы обречены. Мы в глубокой, беспросветной заднице. А знаешь, почему?

– Ну, почему?

Я загнул один грязный палец:

– Первое. Мы в прифронтовой полосе. Идет сорок второй год, лето. Немцы прут к Волге. У них тут каждый куст под подозрением.

– И чего?

Загнул второй палец:

– Второе. Мы появились из ниоткуда. Ни легенды, ни родни, ни бумажки с печатью. Для гестапо или полевой жандармерии мы кто?

– Кто?

– Диверсанты.

Загнул третий:

– Третье. Нам нечего им сказать. Если нас начнут пытаться... а нас начнут пытаться, Игорек. Они умеют это делать. Иголки под ногти, угли под пятки и куча всяких других разных прелестей. Мы даже выдумать ничего не сможем, потому что не знаем ни паролей, ни явок, ни командиров. Мы сдохнем под пытками, а потом нас повесят на площади с табличками «Партизан» на груди. Вот и весь расклад. Финита ля комедия и конец фильма.

Я замолчал, ожидая, что он снова сорвется в истерику. Начнет скулить про свою ипотеку, про Мальдивы, про то, что это всё ошибка.

Но Игорь не заскулил.

Он дожевал хлеб. Вытер губы тыльной стороной ладони. И вдруг, глядя мне в глаза, совершенно спокойно, даже как-то буднично произнес:

– Меня не убьют.

Я моргнул. Сначала подумал, что у него от стресса окончательно потекла крыша:

– Чего?

– Меня, говорю, не убьют, – повторил он. Голос его окреп, в нем появились те самые снисходительные нотки, с которыми он отчитывал младших менеджеров в своем банке. – Тебя? Может быть. Скорее всего, да! Ты слишком идиологически упертый, Андрюха. Слишком много читаешь и знаешь. А меня – нет.

Я подался вперед, забыв про боль в обожженном боку.

– Это с хера ли такие привилегии? У тебя что, на лбу стоит штамп «неприкосновенный запас»? Или ты думаешь, что твоя золотая карточка «Бета-банка» тут работает?

Игорь усмехнулся.

– Потому что я умею приспосабливаться, Соколов. Я всегда это умел. В школе, в универе, в корпорации. И здесь приспособлюсь. Главное сейчас – предложить им то, что им нужно. Системе всегда нужны винтики, которые понимают, как эта система работает.

– Какой системе, Игорь? – я смотрел на него и чувствовал, как внутри начинает накатывать волна гнева. – Это фашисты. Они людей в газовых камерах жгут. Да ты сам видел, как девок в оврагах расстреливают. Какая, к черту, система?

– Любая власть – это система, – пожал он плечами, словно объяснял прописные истины неразумному ребенку. – Коммунисты, капиталисты, нацисты... разница только в декорациях и методах управления персоналом. Суть одна: есть те, кто отдает приказы, и есть те, кто их выполняет. Я всегда был в числе тех, кто организует выполнение. Я управленец, Андрюха. Менеджер!

Он поднялся на ноги. Отряхнул свои изодранные штаны, поправил лохмотья куртки, словно это был дорогой итальянский костюм. Прошелся по крошечному пятачку свободного пространства, заложив руки за спину.

– Знаешь, в чем твоя проблема? – он посмотрел на меня сверху вниз. – Ты веришь в заложенные с детства идеи. В справедливость, в демократию, в родину. Ты книжек перечитал. А я верю в эффективность! Верю в то, что на самом деле важно!

Я слушал его, и мне казалось, что я сплю. Что этот гнилой подвал, запах картошки, этот человек напротив... Нет! Нет, всё это бред воспаленного мозга.

И вместе с тем понимал, что ни какой это не бред.

– Эффективность? – переспросил я. – То есть вчера, на Якиманке, на «Марше миллионов»... когда ты мне втирал про будущее России, про то, что мы должны взять власть за яйца, про свободу... Это всё была ху.ня на постном масле?

Игорь остановился. Посмотрел на меня с удивлением, переходящим в жалость:

– Андрюх, ты реально такой наивный? Или прикидываешься?

Он сел обратно на ящик, подался ко мне, понизив голос, словно мы сидели не в погребу в сорок втором году, а за столиком в «Кофемании».

– Какой, нахер, «Марш миллионов»? Какая свобода? Ты думаешь, я туда поперся, потому что мне за пенсионеров обидно? Или потому что я Навального люблю? Да срать я на них всех хотел с высокой колокольни!

Я почувствовал, как у меня перехватило дыхание.

– А зачем тогда?

– Бабки, Андрюха. Бабки! И связи, – Игорь щелкнул пальцами. – Это был проект. Охеренный стартап, если хочешь. Мне предложили стать координатором. Знаешь, какие бюджеты там крутились? Через мои руки проходили сотни тысяч. На полиграфию, на мегафоны, на «координацию толпы». Половина осела в карманах. Но главное даже не деньги. Главное для меня там было портфолио!

Он глазами указал наверх, словно там, за потолком погреба, находились его кураторы.

– Если бы мы раскатали толпу, если бы пошла красивая картинка на Запад... Ну там... с кровью, с избитыми студентами, может быть и пенсам прилетело, то я бы получил билет в высшую лигу. Меня бы заметили нужные люди из фондов. А там уже гранты, стажировки. Я же пробивал себе визу в Штаты. Я собирался свалить из этой гребаной Рашки через год, максимум через два! С хорошим капиталом и статусом «политического беженца» или «борца за режим». Я бы там жил как король! Здоровался бы с Умой Турман и жал бы лапу Тому Крузу. А сейчас...

Он говорил, а я... Я вспоминал, как мы стояли в толпе. Как я срывал голос, крича лозунги. Как я, дурак, верил, что мы делаем что-то важное. Что мы в самом деле сила! А всё это время мой лучший друг, человек, с которым мы пили пиво на кухне и делились секретами, просто монетизировал мой юношеский максимализм!

– А коктейль Молотова? – прохрипел я. Горло пересохло. – Ты же хотел кинуть его в ОМОН. Там бы люди сгорели.

– Ну а чо? Издержки производства, – Игорь поморщился, словно речь шла о списании бракованного товара. – Лес рубят и щепки летят. Зато какой был бы резонанс! CNN, BBC!!! Все бы это крутили. Это был мой KPI, понимаешь? Ключевой показатель эффективности.

Я смотрел на него и не узнавал. Куда делся тот веселый парень, который выручал меня деньгами до стипендии? Куда делся тот, кто тащил меня на концерты, кто шутил про преподавов? Передо мной сидел чужой человек. Холодный и пустой внутри. Робот, запрограммированный на получение только личной выгоды.

Если это демократия, то .бать я хотел таких демократов с их красивыми речами!

– А как же я? – слова вырвались сами собой. Сказал и сам понял, какими жалкими были мои слова. – Ты же говорил, что мы будем вместе. Что я буду твоим аналитиком. Ты же меня туда притащил... под дубинки.

Игорь вздохнул. Потер переносицу, словно разговор его утомил.

– Время такое, Андрюха. Каждый сам за себя. Ты хороший парень. Умный, начитанный. Но хороших парней – тысячи. Ими легко управлять, потому что они верят в идеалы. А людей, которые умеют организовывать других, которые видят картину целиком и не боятся замарать руки.... Таких единицы!

Он посмотрел мне в глаза, и в его взгляде не было ни капли раскаяния:

– Если бы всё получилось, и я бы уехал... я бы потом, сидя где-нибудь на Манхэттене, налил бы себе хорошего виски, выпил за тебя и сказал бы: «Андрюха был нормальным мужчи-

ком. Жаль, что ему не повезло». Но тащить тебя с собой? Зачем? Ты же нравственный балласт. Ты бы начал задавать вопросы, ныть про мораль. А в бизнесе нет места сентиментальности.

Я закрыл глаза. В голове шумело.

Значит, всё это было ложью. Вся наша дружба, все эти разговоры. Я был для него просто массовой. Бесплатным ресурсом, который можно было разок использовать и выкинуть.

«Охренеть, какая же будет картинка... Потерпи, братишка, ещё пара кадров и всё!»

– Понятно, – я открыл глаза. – Значит, ты просто шлюха, Игорек. Политическая, корпоративная, да по ху.. неважно. Просто дорогая шлюха.

Его лицо дернулось, синяк под глазом потемнел. Но он быстро взял себя в руки:

– Называй как хочешь. Мне плевать. Выживает тот, кто умеет подстраиваться.

Я подался вперед.

– И теперь ты точно так же собираешься прислуживать фашистам? Лишь бы спасти свою шкуру? Будешь им ботинки лизать? Выдавать своих?

– Своих? – Игорь рассмеялся. Сухо, лающим смехом. – А кто тут свои, Соколов? Эти грязные крестьяне? Эта бабка? Или коммунисты, которые полстраны в лагерях сгноили? Я им ничего не должен! Ни Сталину, ни Гитлеру! Я должен только себе!

Он вскочил, начал расхаживать по погребу, размахивая руками:

– Да, я буду сотрудничать! Если они предложат мне работу, то я соглашусь! Я умею вести документацию. Я могу организовать логистику, учет, контроль! Немцы... Ведь это порядок. Ордунг! Им нужны толковые администраторы. Я стану для них незаменимым! Сначала как переводчик, потом писарь, потом, может, и в комендатуру возьмут. А там, глядишь, война закончится, они победят, а я уже в системе!

– Они не победят, – тихо, но твердо сказал я. – В сорок пятом их раскатают в блин.

– Это в твоей истории их раскатают! – заорал Игорь, брызгая слюной. – А мы теперь здесь! И хрен его знает, как оно повернется! Может, мое вмешательство всё изменит! Я не собираюсьдохнуть в этом вонючем подвале ради твоих учебников истории! Все кому-то служат, Андрюха! Все! Просто каждый выбирает своего хозяина. Я выберу того, кто сильнее. Того, кто оставляет жить!

Он остановился.

Я смотрел на него. На его трясущиеся руки, на блеск в глазах. Он был жалок. И страшен одновременно. В нем не было ни капли человеческого достоинства. Только инстинкт самосохранения.

– Знаешь, Игорь, – я поднялся на ноги. Мышцы заныли, но я не обратил на это внимания. – Я ведь историк. Я читал про таких, как ты. Про тех, кто в сорок первом хлебом-солью немцев встречал. Про тех, кто в полицаи шел, чтобы паек получать. Я читал их допросы в НКВД после войны.

Я сделал шаг к нему.

– Они все говорили то же самое. «Время такое», «каждый сам за себя», «мы просто хотели выжить».

Еще шаг.

– Но знаешь, как их называли? Не эффективными менеджерами. Не администраторами. Я оказался вплотную. Он не отступил.

– Их называли предателями. И вешали. Вешали!

Игорь скривил губы.

– Пошел ты... герой хренов. Сдохнешь сегодня – никто и не вспомнит.

– Может и сдохну, – кивнул я. – Но перед этим я сделаю одну вещь.

– Какую же? – он издевательски вздернул подбородок.

– Разобью твое гнусное .бало.

Я ударил без замаха. Коротко, вкладывая в удар всю ту боль, всё то разочарование и ненависть, которые скопились во мне за эти сутки. Кулак с хрустом впечатался ему в нос. Брызнула горячая кровь.

Игорь взвыл. Отшатнулся, споткнулся о ящик и полетел спиной на стеллаж с банками.

Раздался оглушительный грохот. Деревянные полки, подгнившие от времени, не выдержали его веса. Стеллаж рухнул, погребая Игоря под лавиной старых корзин с картошкой и стеклянных банок с соленьями.

– Бам! Дзынь! Хрясь!

Воздух заполнил ядреный запах рассола, квашеной капусты и укропа. Стекло брызнуло во все стороны.

Игорь забарахтался в этой куче, как свинья в корыте. Он зарычал, выплевывая кровь и капустные листья, вскочил на ноги и бросился на меня.

– Убью, сука! – завизжал он.

Он врзался в меня всем телом. Мы рухнули на земляной пол, прямо в лужи рассола и битое стекло.

Вряд ли это была драка из кино. Никаких красивых хуков, апперкотов и блоков. Это была возня двух измученных людей в крошечной тьме.

Мы катались по полу, сминая гнилую картошку. Игорь вцепился мне в горло длинными пальцами, пытаясь задушить. Я хрипел, чувствуя, как не хватает воздуха, и бил его свободной рукой по ребрам, по лицу, куда придется.

– Тварь! – выдохнул я, выворачиваясь из его захвата.

Я подмял его под себя, схватил за волосы и приложил затылком о землю. Раз. Другой.

Он заскулил, но тут же всадил колено мне в живот. Я задохнулся, согнулся пополам. Игорь отшвырнул меня, навалился сверху и занес кулак.

– Я жить хочу! – орал он, брызгая мне в лицо кровью из разбитого носа. – Жить! Понял?! И ты мне не помешаешь!

Он ударил. Я успел подставить предплечье, удар скользнул по скуле, ободрав кожу. Я рванулся, скидывая его с себя. Мы снова сцепились, катаясь по битому стеклу, оставляя на земляном полу кровавые полосы.

Грохот стоял такой, словно в погребе рота солдат выясняла отношения. Мы рычали, сопели, матерились. Я чувствовал, как стеклянный осколок впился мне в ладонь, как горят содранные ожоги, но мне было плевать. Я хотел уничтожить его. Уничтожить эту мразь, которая вчера продавала меня на митинге, а сегодня готовилась продать целую страну.

И тут наверху загремел засов.

Тяжелая дубовая дверь распахнулась с такой силой, что ударила о стену. В погреб ворвался режущий глаза утренний свет.

– А ну, ша, падлы! – рявкнул грубый голос.

Мы замерли сцепившись на полу.

На ступенях стояли двое. Вчерашний староста Гордеев и тот самый молодой, прыщавый полицейский с винтовкой. Силуэты на фоне яркого неба казались зловещими.

– Вы че тут, гниды, устроили? – Гордеев спустился на пару ступенек, поигрывая нагайкой.

– Банки побили, курвы? Дарья вас убьет, а я добавлю! А ну, разошлись!

Мы не расцепились. Я всё еще держал Игоря за воротник его лохмотьев, а он сжимал мое запястье.

– Кому сказал! – взревел Гордеев. – Разошлись!

Он кивнул молодому. Тот сбежал по ступеням, размахнулся и ударил меня прикладом винтовки под ребра.

Вспышка боли затмила сознание. Я охнул, разжал пальцы и завалился на бок, глотая воздух, как рыба, выброшенная на берег.

Следом прилетел удар кованым сапогом. Прямо в бедро.

– Встать, мрази! – Гордеев спустился вниз, брезгливо переступая через лужи рассола. – К господину коменданту пойдете! Он вам сейчас быстро мозги вправит!

Я попытался подняться на четвереньки. Ребра горели огнем, дышать было больно. Во рту стоял металлический привкус крови.

Игорь тоже зашевелился. Он стоял на коленях, весь в грязи, в рассоле, с разбитым в кровь лицом. Его дорогие кроссовки были измазаны гнилой картошкой.

И тут произошло то, от чего у меня мороз пробежал по коже.

Игорь не стал вставать. Он пополз.

Прямо на коленях, по битому стеклу и грязи, он пополз к ногам Гордеева.

– Господин полицейский! – заголосил он срывающимся, плаксивым голосом. – Господин начальник!

Гордеев отшатнулся, подняв нагайку.

– Ты чё, убогий? Одурел?

– Выслушайте меня! Умоляю! – Игорь схватил полиция за грязный сапог. Его лицо искажилось в гримасе рабского подбострастия. – Я не партизан! Я не с ним! Он сумасшедший! Он коммунист! А я нет!

Я замер, опираясь рукой о землю. Смотрел на это и не верил своим глазам. Вот он, ля, мой друг. Успешный менеджер. Человек, который вчера рассуждал о судьбах России, сейчас ползал в луже рассола и целовал сапог деревенского алкаша, надевшего повязку со свастикой.

– Чего ты мелешь? – Гордеев попытался выдернуть ногу, но Игорь вцепился намертво.

– Я хочу служить! – орал Игорь, захлебываясь. – Я ненавижу Советскую власть! Я ждал прихода немецкой армии! Я образованный человек! Я знаю английский! Я могу быть полезен Великой Германии! Я умею организовывать работу! Я могу вести списки, делать учет! Не убивайте меня! Я всё сделаю! Всё, что прикажете!

Молодой полицией опустил винтовку, разинув рот. Даже Гордеев опешил от такого напора. Он привык, что пленные молчат, плюют в лицо или просят пощады. Но чтобы вот так, сходу, с такой животной готовностью продавать всё и вся...

– Да ты последняя, сука, тварь! – вырвалось у меня. Я попытался броситься на него, разорвать голыми руками.

Но молодой полицией среагировал мгновенно. Он с размаху ударил меня прикладом в затылок.

Мир взорвался красными искрами. Я рухнул лицом в грязь, чувствуя, как сознание уплывает в вязкую темноту.

Сквозь звон в ушах я слышал голос Гордеева:

– Ишь ты... Грамотный, говоришь? По-англицки лопочешь?

– Да, да! – скулил Игорь. – И по-немецки чуть-чуть... Я всё могу! Я свой! Я хочу служить господину коменданту! Я докажу!

– Слышь, Митька, – голос Гордеева задумчив. – А ведь герр майор давеча жалился, что писаря у него нет толкового. Из наших-то никто ни бельмеса не смыслит, а документы разбирать надо...

– Думаешь, взять его? – спросил молодой.

– А почему не взять? Если брешет, то пулю в лоб пустить недолго. А ну, вставай, гнида! Пойдешь со мной к герру Шеферу. Сам ему расскажешь, как ты Советскую власть ненавидишь. А этого... – сапог Гордеева ткнул меня под ребра. – Этого пока тут оставь. Запри крепче. С ним гестаповцы с района будут разбираться.

Я лежал щекой в холодной жиже рассола и крови. Глаза застилала пелена, но я видел, как Игорь торопливо поднимается с колен. Как он отряхивает свои грязные лохмотья, заискивающе заглядывает в лицо полиция. Как идёт за ним.

Он даже не обернулся. Ни разу.

Дверь скрипнула. Шаги на лестнице стихли. Загремел тяжелый засов.

Я остался один в темноте.

Голова раскалывалась, во рту было солоно от крови. Но физическая боль отступала перед тем, что творилось внутри.

Точка невозврата пройдена.

Там, наверху, прямо сейчас, на моих глазах родился полицей. Не из забитого крестьянина, не из обиженного кулака. Из современного, образованного, сытого жителя двадцать первого века. Из человека, который считал себя элитой.

Он сделал свой выбор. Он переступил черту, за которой нет возврата.

Я закрыл глаза, вдыхая кислый запах гниения.

Значит, наши дороги разошлись. Окончательно и бесповоротно.

Игорь будет жить. Будет прислуживать, улыбаться, переводить документы, а потом, возможно, и участвовать в допросах. Он будет выживать любой ценой.

А я...

Я сжал кулак, чувствуя, как осколок стекла впивается в ладонь. Боль отрезвляла.

Я не знаю, что будет со мной. Меня могут пытаться. Меня могут повесить на этой самой площади.

Но я точно знал одно. Я никогда, ни при каких обстоятельствах не встану на колени перед этими тварями. Даже если ценой за это будет моя собственная жизнь.

Если мне суждено сдохнуть в сорок втором году, то я сдохну человеком.

Глава 6

Паника давила на мозг, забиралась под кожу могильным холодом. После того как за Гордеевым и его новой шестеркой захлопнулась дверь, погреб окончательно превратился в склеп.

Я сидел на земляном полу, привалившись спиной к шершавым, покрытым склизкой испариной бревнам. В носу засел коктейль запахов: прокисший капустный рассол, в котором мы с Игорем только что барахтались, заплесневелая картошка, мышинное дерьмо и ржавый привкус собственной крови.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.